

Вольтер Диалоги Эвгемера filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Вольтер

Диалоги Эвгемера

"Dialogues d'Evhemere".

Это последнее обобщающее философское сочинение Вольтера было опубликовано в 1777 г. В нем трактовка Вольтером важнейших мировоззренческих проблем развивается в полемике одновременно с выразителями идеалистической линии в философии от Платона до Лейбница и с представителями последовательно материалистической философии от Демокрита, Эпикура и Лукреция до Гольбаха и Дидро.

Эвгемер, которому Вольтер отвел роль выразителя своих воззрений, был древнегреческим философом IV в. до н. э. В сочинении "Священная запись", дошедшем до нас в кратком изложении Диодора Сицилийского и относящемся к жанру философского романа-утопии, Эвгемер рассматривал религию как возникшую из почитания и обожествления древнейших царей, облагодетельствовавших подчиненные им народы. Эта концепция о естественном происхождении веры в богов, сыгравшая значительную роль в истории свободомыслия и имевшая немало сторонников, получила название эвгемеризма. В античности Эвгемера, примыкавшего к сократической философской школе киренаиков, считали одним из крупнейших атеистов. Поэтому рисуемый Вольтером образ Эвгемера как философа-деиста, убежденного противника атеистов, исторически неадекватен.

Другой собеседник рассматриваемого диалога – Калликрат имеет прототипом афинянина, упоминаемого под этим именем Корнелием Непотом в "Жизни Диона". Образ Калликрата как эпикурейца, переходящего на позиции деизма, также лишен исторической достоверности.

Диалог первый

ОБ АЛЕКСАНДРЕ

Калликрат. Ну-с, мудрый, Эвгемер* [*] – Эвгемер был сиракузским философом, жившим в век Александра. Он путешествовал, как Пифагор и Зороастр. Он мало писал; под его именем до нас дошло только это небольшое сочинение. – Примеч. Вольтера.], что видели вы во время своих путешествий?

Эвгемер. Глупости.

Калликрат. Как! Вы путешествовали в свите Александра и вас не охватил экстаз восторга?

Эвгемер. Вы хотите сказать, экстаз жалости?

Калликрат. Жалости к Александру?

Эвгемер. К кому же еще? Я видел его только в Индии и в Вавилоне, куда я, как и другие, отправился в тщетной надежде просветиться. Мне там сказали, что он и в самом деле начал свои походы как герой, но закончил их как глупец. Я видел этого полубога, превратившегося в самого жестокого из варваров, после того как он был самым гуманным из греков. Я видел трезвого ученика Аристотеля, ставшего презренным пьяницей. Я отправился вслед за ним, когда, оставив трапезу, он принял решение поджечь величественный храм Эстекара, дабы удовлетворить прихоть жалкой распутницы, именуемой Таис. Я сопровождал его во время его безумств в Индии, и, наконец, я узрел его умирающим в расцвете лет в Вавилоне из-за того, что он напился как последний забулдыга из его войска.

Калликрат. Какое унижение для великого человека!

Эвгемер. Иных среди великих не существует; они как магнит, определенное свойство коего я открыл: один его конец притягивает, другой – отталкивает.

Калликрат. Александр крайне меня отталкивает, когда, подвыпив, сжигает город. Но мне совсем неизвестен Эстекар о котором вы мне рассказываете; я знаю только, что этот сумасброд и безумная Таис сожгли для своей забавы Персеполь.

Эвгемер. Эстекар – как раз то, что греки именуют Персеподем. Нашим грекам нравится перелицовывать вселенную на греческий лад: они дали реке Зом-Бодпо имя «Инд»; другую реку они наименовали «Гидасп»; ни один из городов, осажденных в свое время и захваченных Александром, не известен под своим подлинным именем. Даже название «Индия» изобретено греками: восточные народы называли эту страну «Од-ху». Таким же образом в Египте они создали города Гелиополь, Крокодилополь, Мемфис. Стоит им отыскать звучное имя, и этого бывает довольно. Вот так они ввели в заблуждение всю Землю своими именами богов и людей.

Калликрат. Это еще не столь великое зло. Я не сетую на тех, кто таким образом обманул мир; я виню тех, кто его разоряет. Я совсем не люблю вашего Александра, который отправился из Греции в Киликию, Египет, на Кавказский хребет, а оттуда дошел вплоть до самого Ганга, убивая на своем пути все встречное – врагов, нейтральных людей и друзей.

Эвгемер. Это был лишь реванш: он отправился убивать персов, но до того персы явились, чтобы убивать греков; он помчался на Кавказ, в обширные пределы скифов, но эти скифы дважды опустошали Грецию и Азию. Все народы во все времена подвергались грабежам, порабощению и истреблению со стороны других народов. Говоря «солдат», мы говорим «вор». Каждый народ отправляется грабить своих соседей во имя своего бога. Разве мы не видим сейчас, что римляне, наши соседи, выходят из логова, образуемого семью холмами, для того, чтобы грабить вольсков, антийцев, самнитов? Скоро они придут грабить и нас, если научатся строить лодки. С того момента, как они узнали, что жители Вейн, их соседи, имеют в своих закромах немного пшеницы и ячменя, они заставили своих жрецов-фециалов объявить справедливым грабительский поход против вейентов. Разбой стал священной войной. У римлян есть оракулы, повелевающие убивать и грабить. У вейентов, с своей стороны, есть также оракулы, предсказывающие им, что они украдут римскую солому. Наследники Александра разворовывают сейчас для себя провинции, которые раньше они разворовывали для своего грабителя-господина. Таким был, таков есть и таковым всегда будет человеческий род. Я объездил половину Земли и видел там только безумства, несчастья и преступления.

Калликрат. Могу ли я спросить вас, встретили ли вы среди стольких народов хоть один справедливый?

Эвгемер. Ни одного.

Калликрат. Скажите же мне, какой из них наиболее глуп и зол.

Эвгемер. Тот, что более других суеверен.

Калликрат. Но почему самый суеверный народ – самый злой?

Эвгемер. Потому что суеверные считают, будто они выполняют из чувства долга то, что другие делают по привычке или в припадке безумия. Заурядный варвар, такой, как грек, римлянин, скиф, перс, после того как он в добрый час совершил убийство, грабеж, выпил вино тех, кого только что убил, и изнасиловал дочерей убитых отцов семейств, более ни в чем не нуждается и становится кротким и гуманным, чтобы расслабиться. Он прислушивается к чувству жалости, заложенному природой в глубине человеческого сердца. Он подобен льву, прекратившему преследование добычи с того момента, как он не чувствует себя больше голодным. Но суеверный человек напоминает тигра, продолжающего убивать и терзать добычу даже тогда, когда он сыт. Верховный жрец Плутона говорит ему: "Истребляй всех поклонников Меркурия, поджигай все дома, убивай всех животных"; и мой святоша почел бы себя святотатцем, если бы оставил живыми хоть одного ребенка и одну кошку на территории Меркурия.

Калликрат. Как! На свете существуют такие страшные народы, и Александр не истребил их, вместо того чтобы идти к Гангу и нападать там на мирных и человеколюбивых людей – тех, кто, если верить рассказам, изобрел философию?

Эвгемер. Разумеется, нет; он, как стрела, пронесся сквозь одно из маленьких племен фанатичных варваров, о которых я сейчас говорил; и поскольку фанатизм не исключает подлости и трусости, эти жалкие люди попросили у него пощады, льстили ему, выдали ему часть награбленного ими золота и получили разрешение грабить и впредь.

Калликрат. Значит, человеческий род ужасен?

Эвгемер. Среди обширного числа этих зверей встречаются иногда овцы, но большинство их – волки и лисы.

Калликрат. Я хотел бы понять, откуда эта огромная диспропорция в пределах одного и того же рода?

Эвгемер. Говорят, происходит это потому, что лисы и волки пожирают овец.

Калликрат. Нет, мир этот слишком несчастен и страшен; я бы хотел знать, откуда берется столько бедствий и глупостей.

Эвгемер. И я бы хотел того же. Давно уже, возделывая свой сад в Сиракузах, я об этом грежу.

Калликрат. Прекрасно! И что это были за грезы? Скажите мне, прошу вас, немногословно, всегда ли наша Земля была населена людьми? И вообще, всегда ли существовала она сама? Есть ли у нас душа? Вечна ли эта душа, как считают вечной материю? Существует ли один бог или множество? Что эти боги делают, почему они милостивы? Что такое добродетель? Что такое порядок и беспорядок? Что такое природа? Имеет ли она законы? Кто эти законы установил? Кто изобрел общество и искусства? Какое правление наилучшее? И особенно – в чем самый верный секрет, помогающий избегать опасностей, коими каждый человек окружен на каждом шагу? Все остальное мы исследуем в другой раз.

Эвгемер. Да это разговор не меньше чем на десять лет, если беседовать по десяти часов ежедневно!

Калликрат. А между тем обо всем этом шла вчера речь у прекрасной Евдоксии, и беседовали между собой самые приятные в Сиракузах люди.

Эвгемер. Ну, и какой же был сделан вывод?

Калликрат. Да никакого. Там присутствовали два жреца – Цереры и Юноны, и дело кончилось их взаимной перебранкой. Так откройте же мне без стеснения все ваши мысли. Я обещаю вам не спорить с вами и не выдавать вас жрецу Цереры.

Эвгемер. Отлично! Задайте мне ваши вопросы завтра; я попытаюсь вам ответить, но не обещаю вас удовлетворить.

Диалог второй

О БОЖЕСТВЕ

Калликрат. Начну с обычного вопроса: существует ли бог? Великий жрец Юпитера Аммона объявил Александра сыном бога, и ему за это щедро заплатили; но сей бог – существует ли он? И не смеются ли над нами с того самого времени, как о нем говорят?

Эвгемер. Действительно, над нами смеялись, когда заставляли нас поклоняться Юпитеру, скончавшемуся на Крите, или каменному барану, скрытому в песках Ливии. Греки, люди остроумные до глупости, недостойным образом насмеялись над человечеством, когда из греческого слова, означающего бежать, они сделали слово theoi – "бегущие боги"*. {Греч. – «бегу»; – бог (боги); это обычное для древней александрийской филологической школы поверхностное этимологизирование по

созвучию. – Примеч. переводчика.} Их пресловутые философы – на мой взгляд, самые неразумные разумники в этом мире – утверждали, будто такие бегуны, как Марс, Меркурий, Юпитер, Сатурн, – бессмертные боги, ибо они находятся в вечном движении, и, как представляется, движутся сами по себе. С таким же успехом они могли бы сделать божествами ветряные мельницы.

Калликрат. Нет, нет, я говорю с вами не об афинских бреднях, а также и не о египетских. Я не спрашиваю вас, может ли быть богом планета, баран Аммона или бык Апис и ел ли бога Камбиз, приказавший насадить этого быка на вертел. Я спрашиваю вас совершенно серьезно, существует ли бог, сотворивший мир. В Сиракузах мне рассмеялись в лицо, когда я заметил, что, быть может, такой бог существует.

Эвгемер. А где, скажите пожалуйста, вы в Сиракузах остановились?

Калликрат. У архонта Гиеракса, моего близкого друга, не более верящего в бога, чем Эпикур.

Эвгемер. А у этого архонта, верно есть великолепный дворец?

Калликрат. Восхитительный! Главный корпус украшен тридцатью шестью коринфскими колоннами, между которыми помещены статуи, принадлежащие величайшим мастерам. А два флигеля...

Эвгемер. Пощадите, не надо о флигелях! С меня довольно и того, что красивый дворец указывает мне на присутствие архитектора.

Калликрат. А, я вижу, куда вы гнете! Вы хотите сказать мне, что устройство вселенной, необъятность пространства, наполненного мирами, правильно вращающимися вокруг своих солнц, свет, изливающийся из этих солнц и оживляющий все эти сферы, наконец, все это непостижимое хозяйство указывают на хозяина, в высшей степени разумного, могущественного и вечного; вы собираетесь предъявить мне прекрасные открытия Платона, расширившие сферу существ; вы хотите показать мне великое существо, возглавляющее эту массу миров, каждый из которых создан для других. Но эти избитые рассуждения не убеждают наших эпикурейцев. Они хладнокровно возражают вам, что вовсе не спорят с тем, что все это – творения природы и в этом присутствует великое бытие; его можно видеть, ощущать в Солнце, звездах, во всех плодах нашей Земли, говорят они, в нас самих, и великой слабостью и безрассудством является стремление приписать какому-то неведомому воображаемому существу, которого нельзя видеть и относительно которого невозможно создать себе ни малейшего представления, – приписать ему, говорю я, деятельность этой природы, столь явно для нас ощутимой, столь знакомой по ее постоянным свершениям, всюду лежащей у нас под ногами, простирающейся над нашими головами, заставляющей нас рождаться, жить и умирать и явно являющейся богом, коего вы ищете: читайте же "Систему природы", [1 – 1 "Система природы" – главный философский труд Гольбаха, итоговое произведение французского материализма XVIII в.] "Историю природы", "Принципы природы", "Философию природы", "Кодекс природы", "Законы природы" и т. д.

Эвгемер. А если я скажу вам, что нет никакой природы, но все во Вселенной – искусство, и искусство это указывает на творца?

Калликрат. Как! Никакой природы и все – искусство? Что за пустая идея!

Эвгемер. Первым эту истину выдвинул один малоизвестный философ, быть может невысоко ценимый среди других; но оттого, что исходит она от безвестного человека, она не меньше является истиной. Вы признаете, что не можете понимать под этим расплывчатым термином – природа – ничего иного, кроме совокупности существующих вещей большинство из которых не доживет до завтра: в самом деле, деревья, камни, овощи, гусеницы, козы, девочки и обезьяны не образуют абсолютного бытия, каким бы это бытие ни было. Следствия, не существовавшие вчера, не могут быть вечной, необходимой и творящей причиной. Ваша природа – еще раз – это всего лишь слово, изобретенное для обозначения всеобщности вещей.

Дабы показать вам теперь, что все создало искусство, прошу вас, наблюдайте всего лишь какое-нибудь насекомое, улитку, муху: вы видите в них бесконечное искусство, кое не может воспроизвести никакая человеческая изобретательность: следовательно, должен существовать бесконечно искусный мастер, и именно его

мудрецы именуют богом.

Калликрат. Мастер, существование коего вы предполагаете, и есть, согласно нашим эпикурейцам, тайная сила, вечно действующая в этой совокупности вещей, постоянно гибнущих и постоянно воспроизводимых вновь, – сила, которую мы именуем природой.

Эвгемер. Каким образом может быть некая сила распределена в существах, перестающих существовать или еще не родившихся? Как эта слепая сила может обладать достаточным интеллектом для образования чувствующих или думающих живых существ и стольких солнц, каковые, вероятно, вообще не думают? Понимаете ли вы, что подобная система, не основанная ни на какой предшествующей истине, есть всего лишь греза, порожденная воспаленным воображением? Тайная сила, о которой вы толкуете, может пребывать лишь в существе настолько могущественном и разумном, что оно способно образовать разумные существа; в существе необходимом, ибо без его существования не было бы ничего; в существе вечном, ибо, существуя само по себе, оно не допускает определения такого момента, когда бы оно не существовало; в существе благом, ибо, будучи причиной всего, оно не допускает проникновения в себя зла. Вот что мы, стоики, именуем богом: это – великое существо, которому мы стараемся подражать в добродетели, поскольку слабые творения могут приблизиться лишь к тени своего Творца.

Калликрат. Но именно это оспаривают у вас наши эпикурейцы. Вы напоминаете скульпторов: они с помощью своих резцов высекают прекрасную статую и начинают ей поклоняться. Вы лепите своего бога, а затем награждаете его эпитетом «благой»; однако взгляните на одну только нашу Этну, на город Катании, поглощенный ею в течение нескольких лет, и на его еще дымящиеся руины. Вспомните, что сообщает нам Платон о гибели острова Атлантида, затонувшего не более десяти тысяч лет назад; подумайте о наводнении, разрушившем всю Грецию.

Что касается нравственного зла, то припомните лишь все то, что вы видели сами, и называйте вашего бога благим, если посмеете. Ведь на этот знаменитый довод никто еще не сумел дать ответ: либо бог не смог препятствовать злу – и тогда всемогущ ли он? Либо он это мог, но не сделал – где же тогда его благодать?

Эвгемер. Это старинное рассуждение, по-видимому развенчивающее бога и ставящее на его место хаос, всегда меня ужасало; страшные безумства, свидетелем коих я был на этом злополучном шаре, еще более меня ужасают. Однако у подножия горы Этны, извергающей пламя и сеящей вокруг нас смерть, я вижу самые веселые и плодоносные поля; в Сиракузах после десятилетия убийств и разрухи я вижу возрождение мира, изобилия удовольствий, песен и философии; итак, в этом мире все же есть благо, если и существует такое количество зла. Итак, доказано, что бог – если он творец всего – не абсолютно зол.

Калликрат. Но вовсе не довольно того, что бог не всегда и не абсолютно жесток, – надо, чтобы он не был таким никогда. А ведь Землю, его так называемое творение, постоянно постигают ужасные катастрофы. Когда отдыхает Этна, ярятся другие вулканы. Когда уже нет Александра, поднимают головы другие разрушители. На нашем шаре не было ни мгновения без преступлений и катастроф.

Эвгемер. Именно к этому я и веду. Идея бога-палача, создавшего свои творения затем, чтоб их мучить, ужасна и нелепа; идея двух богов, один из коих творит благо, а другой – зло, еще более нелепа и не менее ужасна. Но если вам доказывают истину, разве эта истина умалется оттого, что она влечет за собой тревожные следствия? Есть необходимое существо, вечное, источник всего существующего: разве наши страдания умалют его существование? Разве умалют его существование то, что я не способен объяснить, почему мы страдаем?

Калликрат. Способны вы или нет, я все же прошу вас решиться вместе со мной выяснить ваши мысли на этот счет.

Эвгемер. Я трепещу, ибо хочу поведать вам вещи, похожие на систему, а недоказанная система – всего лишь хитроумная глупость. Как бы то ни было, вот весьма слабый проблеск, различаемый мной, как мне кажется, в этой глубокой мгле; ваше же дело – либо погасить эту искру, либо ее раздуть.

Прежде всего, я отмечаю, что не могу получить представления о боге раньше, чем я получил идею необходимого существа, существующего само по себе, в силу своей вечной, разумной, благой и могущественной природы. Все эти признаки,

представляющиеся мне существенными для бога, не свидетельствуют о том, что он может творить невозможное. Он никогда не сможет сделать так, чтобы три угла треугольника не равнялись в сумме двум прямым. Он не добьется того, чтобы два противоречивых положения между собой согласовались. Возможно, то было противоречием, чтобы зло не вошло в этот мир. Я предполагаю немислимым, чтобы ветры, необходимые для проветривания земель и для того, чтобы помешать застаиванию морей, не поднимали бурь. Огонь, разлитый под земной корой для образования растений и минералов, должен был сотрясать земли, разрушать города, уничтожать их обитателей, вызывать оседание гор и воздвигать на их место новые.

Было бы противоречием, если бы все живые существа жили вечно и вечно плодились: вселенная не могла бы их тогда прокормить. Таким образом, смерть, на которую смотрят как на величайшее зло, была столь же необходима, как и жизнь. Нужно было, чтобы желания воспламенялись в органах всех животных, кои не умели бы стремиться к собственному благополучию без направленного на него вождения; эти аффекты не могли быть живыми без неистовства, а следовательно, без того, чтобы они вызывали те сильные страсти, кои становятся причиной ссор, войн, убийств, обманов и разбоя. Наконец, бог не мог устроить вселенную иначе как на условиях, на которых она существует.

Калликрат. Значит, ваш бог все же не всемогущ?

Эвгемер. Поистине, он единственный, кто могуществен, ибо это он все создал; но он не сверх меры могуществен. Из того, что зодчий выстроил дом высотой в пятьдесят футов, сложенный из мрамора, не следует еще, что он мог бы построить дом высотой в пятьдесят лье, сложенный из варенья. Каждое существо ограничено своей природой; я осмеливаюсь полагать, что верховному существу присуще такое же ограничение. Я осмеливаюсь думать, что этот архитектор вселенной, столь ясно зримый нашему уму и в то же время непостижимый, не обитает ни среди нашей огородной капусты, ни в маленьком Капитолийском храме. Но каково его обиталище? С какого неба, с какого Солнца рассылет он всей природе свои вечные указы? Я ничего об этом не знаю; однако я знаю, что вся природа ему повинует.

Калликрат. Но если все ему повинует, то когда, думаете вы, издал он свои первые законы для всей этой природы и создал эти бесчисленные солнца, эти планеты, кометы, а также эту брэнную и злополучную Землю?

Эвгемер. Вы неизменно задаете мне вопросы, на какие отвечать можно одними только сомнениями. Если я осмелюсь высказать еще одну Догадку, я скажу, что, поскольку сущностью этого верховного, вечного существа, этого создателя, хранителя, разрушителя и восстановителя является действие, немисливо, чтобы он не действовал вечно. Творения вечного Демиурга по необходимости стали вечными, подобно тому как с первого же момента существования Солнца стало необходимым, чтобы его лучи проникали пространство прямолинейно.

Калликрат. Вы отвечаете мне сравнениями; это заставляет меня подозревать, что вы не усматриваете ясно и точно те вещи, о которых мы говорим; вы стараетесь их прояснить, но какие бы вы ни прилагали усилия, вы все время вопреки самому себе возвращаетесь к системе наших эпикурейцев, приписывающих все некой скрытой силе – необходимости. Вы называете эту тайную силу богом, они же, природой.

Эвгемер. Я несколько не был бы раздосадован, если бы у меня оказалось нечто общее с истинными эпикурейцами – людьми благородными, очень мудрыми и уважаемыми; но я не согласен с теми, кто признает богов лишь затем, чтобы над ними смеяться, изображая их старыми никчемными распутниками, отупевшими от вина, любви и обжорства.

Что до истинных эпикурейцев, полагающих счастье в одной добродетели, но признающих лишь тайную силу природы, то я согласен с их мнением при условии, что сия тайная сила принадлежит необходимому существу, вечному, могущественному и разумному, ибо мыслящее существо, именуемое человеком, может быть творением только в высшей степени разумного существа, т. е. бога.

Калликрат. Я передам им ваши соображения и выражу пожелание, чтобы они рассматривали вас как своего собрата.

Диалог третий

О ФИЛОСОФИИ ЭПИКУРА И О ГРЕЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Калликрат. Я говорил с нашими добрыми эпикурейцами. Большинство из них продолжают настойчиво верить, что их доктрина, по существу, ничем не отлична от вашей. Так же как вы, они допускают вечную, тайную, незримую силу; и поскольку они – здравомыслящие люди, они признают, что сила эта должна быть мыслящей, раз она создала мыслящие существа.

Эвгемер. Это большой шаг на пути познания истины; но что касается тех, кто осмеливается утверждать, будто материя сама по себе может обладать способностью мышления, то я не могу рассуждать, как они, ибо я отправляюсь от принципа: "дабы создать мыслящее существо, надо им быть"; они же исходят из предположения: "мысль может быть дана бытием, какое само не мыслит", более того, бытием, коего не существует, ибо мы ясно видели, что нет такого бытия, как природа, и это всего лишь отвлеченное имя, обозначающее множество вещей.

Калликрат. Скажите же нам, каким образом эта тайная и необъятная сила, именуемая вами богом, дает нам жизнь, ощущение мысль? У нас есть душа; но есть ли она у других животных? Что такое эта душа? Появляется ли она в нашем теле, когда мы в зародышевом состоянии находимся во чреве матери? И куда она уходит, когда наше тело разлагается?

Эвгемер. Я неопровержимо убежден в том, что бог дал всем нам – людям, животным, растениям, солнцам и крупицам песка – все то, чем мы владеем, все наши способности и наши свойства. В органах, производящих нас на свет и дающих нам жизнь, а также позволяющих нам мыслить, и в законах, управляющих всем, заложено столь глубокое и непостижимое искусство, что я бываю близок к полному истощению, когда осмеливаюсь пытаться понять самую ничтожную деталь этой универсальной пружины, обеспечивающей существование всего, что существует.

Я обладаю чувствами, прежде всего доставляющими мне удовольствие или страдание. У меня есть идеи, образы, получаемые мной через посредство моих чувств и входящие в меня без всякого зова с моей стороны. Я не образую сам эти идеи; но когда они скапливаются во мне в достаточно большом количестве, я с огромным удивлением начинаю чувствовать в себе способность комбинировать из них некоторые сложные представления. Развивающаяся во мне способность припоминать то, что я видел и чувствовал, позволяет мне сочетать у себя в голове образ моей кормилицы с образом моей матери, а образ дома, в котором меня растят, – с образом соседнего дома. Так я собираю воедино тысячи различных идей, из которых ни одна не была порождена мной: действия эти результат другой способности, способности повторять услышанные мной слова и связывать с ними поначалу какой-то небольшой смысл. Мне говорят, что все это называется памятью.

Наконец, когда со временем мои органы укрепляются, мне говорят, что мои способности чувствовать, припоминать, сочетать идеи и есть то, что именуют душой.

Слово это не означает и не может означать ничего, кроме одушевляющего начала. Все восточные народы называют «жизнью» то, что мы именуем «душой»; таким образом, мы обладаем способностью давать обобщающие и отвлеченные имена вещам, не поддающимся у нас определению. Мы вождедем, но в нас вовсе не живет реальное существо, именуемое «вождедением». Мы хотим, но в нашем сердце нет маленькой особы, именуемой «воля». Мы воображаем, но в нашем мозгу нет особого воображаемого существа. Люди всех стран (я разумею людей мыслящих) изобрели общие термины для выражения всех действий и всех следствий того, что они чувствуют и видят: они говорят "жизнь и смерть", "сила и слабость". Нет, однако, реального существа, кое представляло бы собой слабость, силу, смерть или жизнь; но эти способы выражения столь удобны, что они были приняты во все времена у народов, способных рассуждать.

Эти выражения, служа облегчению рассуждений, в то же время породили множество ошибок. К примеру, живописцы и скульпторы, желая представить силу, изображают мощного человека с волосатой грудью и мускулистыми руками; чтобы передать идею слабости, они изобразили ребенка. Таким образом были персонифицированы страсти, добродетели, пороки, времена года и дни. Благодаря этой постоянной маскировке люди привыкли воспринимать все свои способности, все свои свойства и отношения с

остальной природой как реальные существа, а слова считать вещами.

Из отвлеченного слова душа они сделали особое существо, обитающее в нашем теле; они разделили это существо на три части, и так называемые философы заявили, что число три совершенно, так как оно состоит из единичности и двоичности. Из трех частей они одну поставили во главе пяти чувств и нарекли ее *psyche*; вторую они поместили в область груди: это *pneuma*, дуновение, дыхание, дух; третья часть находится в голове – то мысль, *nous*. Из трех сих душ после смерти образуется, как они считают, четвертая, *skia** {*(греч.) – тень, призрак. – Примеч. переводчика.}, тени, маны или оборотни.

Тотчас же обнаружилось, что, говоря о душе, люди обречены на вечное взаимное непонимание: слово это породило тысячи вопросов, вынуждающих ученых людей молчать, а шарлатанам позволяющих разглагольствовать. Итак, явились ли все эти души от первого мужчины – созданного вечным Демиургом, или от первой женщины? Или они были созданы отдельно все сразу, с тем чтобы каждая из них в свой черед спускалась сюда, на Землю? Представляет ли собой их субстанция эфир или огонь или ни то ни другое? Кто – жена или муж – spryskivaet душу плодоносящей жидкостью? Является ли душа в утробу матери до того, как члены ребенка сформировались, или же после? Чувствует ли она и мыслит в сорочке, в кою заключен плод? Возрастает ли ее субстанция, когда вырастает тело зародыша? Одинакова ли природа всех душ? И разве нет никакой разницы между душой Орфея и душой глупца?

Когда эта душа созревает для выхода из матки, где она обитала в течение девяти месяцев между пузырем, наполненным мочой, и грязной кишкой, набитой калом, люди дерзают задавать вопрос, явилась ли означенная дама в эту клоаку с полным представлением о бесконечности, вечности, абстрактном и конкретном, о прекрасном и благом, о справедливости и порядке. Далее возникли препирательства, направленные на выяснение, постоянно ли мыслит это бедное создание, будто можно мыслить в глубоком и мирном сне, в тяжелом опьянении или при абсолютном исчезновении идей, являющемся следствием полной апоплексии или эпилепсии. Великий боже, что за нелепые дразги среди этих слепцов спорящих о природе красок! Наконец, возникает вопрос, чем становится душа, когда тела больше не существует? Великие наставники человечества Орфей, Гомер – изрекли: она становится тенью (*skia*), призраком. Улисс при входе в подземное царство видит оборотней, тени, лижущие в провале кровь и пьющие молоко. Чародеи и колдуны, одержимые духом Пифона, вызывают маны, тени умерших, поднимающиеся из-под земли. Есть души, у коих грифы выклевают печень; другие души постоянно прогуливаются под сенью деревьев, и в том заключено высшее блаженство, то – рай Гомера.

Люди порядочные не были удовлетворены подобными бесчисленными ребячествами. Что до меня, то я решил прибегнуть к богу и сказать ему: "Тебе, и только тебе абсолютный господин природы, я обязан всем; ты даровал мне способность чувствовать и мыслить, точно так же как переваривать пищу и ходить. Я благодарю тебя за это и не выпытываю у тебя твой секрет". Эта молитва на мой взгляд, более разумна, чем пустые и нескончаемые споры о душе (*psyche*), дыхании (*pneuma*), уме (*nous*) и тени (*skia*).

Калликрат. Если вы верите, что бог занимает у нас место души, значит, вы всего лишь механизм, пружинами которого управляет бог: вы существуете в боге, вы все усматриваете в боге, он действует внутри вас. Скажите по совести, вы находите, что эта система лучше нашей?

Эвгемер. Я предпочел бы доверять богу, а не себе. Некоторые философы в это верят; само малое их число убеждает меня в том, что они правы. Они утверждают, что творец должен быть хозяином своего творения и во вселенной не может происходить ничего, что не было бы подчинено верховному мастеру.

Калликрат. Как! Вы осмеливаетесь утверждать, будто бог без конца занят тем, что пускает в ход все эти механизмы?

Эвгемер. Боже меня сохрани! Вот таким образом в спорах всегда приписывают своему противнику то, чего он не говорил. Напротив, я утверждаю, что вечный суверен от века установил свои законы, которые всегда будут выполняться всеми существами. Бог однажды повелел, вселенная же подчиняется вечно.

Калликрат. Я очень опасаюсь, как бы мои теологи-эпикурейцы не упрекнули вас в

том, что вы делаете бога творцом греха: ведь, если он вас одушевляет, и вы совершаете ошибку, получается, что эту ошибку допустил он.

Эвгемер. Подобный упрек можно адресовать всем сектам, за исключением атеистов; любая секта, допускающая полноту божественного могущества, обвиняет божество в том, что оно не препятствует проступкам. Такая секта говорит богу: "Господин верховный суверен, вы должны устранить все зло; если вы допускаете врага в выстроенные вами пределы, эта ваша собственная вина". Бог на это ей отвечает: "Дочь моя, я не могу творить противоречивые вещи; если бы зло не существовало, в то время как существует благо, это было бы противоречие, и противоречием было бы, если бы существовал огонь, который не мог бы вызвать пожар, или вода, в которой не могло бы утонуть живое существо".

Калликрат. И вы находите такое решение вопроса удовлетворительным?

Эвгемер. Я не знаю лучшего.

Калликрат. Берегитесь, вам скажут, что поклонники богов в Египте и Греции рассуждали более последовательно, когда изобрели Тартар, в коем караются преступления: в подобном случае божественная справедливость оправдана.

Эвгемер. Станный способ оправдывать своих богов! И каких богов! Прелюбодеев, убийц, кошек, крокодилов! Ведь речь идет сейчас о том, почему существует зло. Разве умели ваши греки и египтяне это объяснить? Смогли ли они изменить природу зла? Сумели ли смягчить ужасы, изображая нам ряд преступлений и вечных мук? Разве эти боги не варварские чудовища – они, породившие Тантала лишь затем, чтобы он съел вместо рагу мясо своего сына, а потом был вечно пожираем чудовищным голодом, сидя бесконечный ряд веков за накрытым столом? Другой государь непрерывно вращает свое колесо, окруженный змеями; сорок девять дочерей еще одного царя убивают своих мужей и осуждены вечно наполнять бездонную бочку. Несомненно, было бы гораздо лучше, если бы этих сорока девяти дочерей и всех осужденных на муки царей вообще не существовало на свете; не было ничего легче, как просто избавить их от существования, преступлений и казней. Ваши греки изображают своих богов тиранами и бессмертными палачами, без усталости занятыми творением несчастных, осужденных совершать преходящие преступления и подвергаться бесчисленным карам. Вы согласитесь со мной, что подобная теология достаточно зловеща. Теология эпикурейцев более гуманна. Но я осмеливаюсь считать свою теологию более божественной: мой бог – не сластолюбивый ленивец, подобный богам Эпикура, не варвар и монстр, подобный богам Египта и Греции.

Калликрат. Я предпочитаю вашего бога всем остальным, но остается много сомнений; я попросил бы вас снять их в нашей ближайшей беседе.

Эвгемер. Я всегда делился с вами своими мыслями лишь как сомнениями.

Диалог четвертый

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ДЕЙСТВУЮЩИЙ БОГ БОГОВ ЭПИКУРА, ПРЕБЫВАЮЩИХ В ПОЛНОМ БЕЗДЕЙСТВИИ?

Калликрат. Я убежден в том, что вся Земля и то, что ее окружает, человеческий род и род зверей, а также все, что находится вне нас, – одним словом, вселенная – не образовалось само по себе и в мире царит безграничное искусство; я с уважением воспринимаю идею единого мастера, верховного господина, отвергаемую многочисленной сектой эпикурейцев. Я предполагаю, что этот господин природы является во многих отношениях тем, чем был бог Тимея, бог Океана Лукана и Пифагора: он не создал материю небытия, ибо небытие, как вы это знаете, не имеет свойств; ничто не возникает из ничего, ничто не возвращается в ничто; я постигаю, что всеобщность вещей является эманацией этого бога, который один только существует сам по себе и является творцом всего. Он устроил все в соответствии со всеобщими законами, вытекающими из его мудрости, точно так же как и из его могущества. Я принимаю значительную часть вашей философии, хотя она и возмущает большинство наших мудрецов, однако меня останавливают две трудности: мне кажется, бог получается у вас и недостаточно свободным, и недостаточно справедливым.

Он не свободен, ибо он – необходимое существо, из коего с необходимостью

пристает необъятность вещей; он не справедлив, ибо большинство достойных людей бывают в своей жизни преследуемы, а вы мне не говорите, что справедливость бывает восстановлена после их смерти и преступники после смерти бывают наказаны. Религии греков и египтян имеют большое преимущество перед вашей теологией. Они придумали кары и воздаяния. Мне кажется, то единственный способ предводительствовать людьми; почему вы его отвергаете?

Эвгемер. Сначала я вам отвечу по поводу свободы, а потом – по поводу справедливости. Быть свободным – значит делать все что угодно; но, разумеется, бог сделал все, что хотел. Он удостоил предоставить нам Долю той восхитительной свободы, коей мы пользуемся, когда поступаем в соответствии с нашей волей. Он простер свою милость столь далеко, что даровал эту привилегию всем живым существам, делающим то, что они хотят, сообразно с пределами своих сил.

При том, что бог очень могуществен и весьма свободен, я не могу вам сказать, будто он свободен и могуществен безгранично: ведь вопреки всем утверждениям геометров я не знаю, что то такое – актуальная бесконечность. Я могу вам только сказать: бог не свободен делать невозможное, ибо это означало бы противоречие в посылах; он не свободен сделать так, чтобы на двух сторонах Пифагорова прямоугольного треугольника можно было построить два квадрата, меньших или больших, чем квадрат, образованный наибольшей стороной, потому что то было бы противоречием, вещь невозможной. Это почти тот же довод, что я вам уже приводил: бог весьма совершенен и не обладает свободой творить зло.

Что до справедливости, то вы будете очень смеяться надо мной, если я стану вам говорить о преисподней греков. Их пес Кербер, лаящий всеми своими тремя пастями, их три Парки, три Эвмениды являются столь смешными фантазиями, что над ними смеются дети. Бог не являлся мне, он не явил мне также Александра, гонимого тремя подземными фуриями за то, что он столь несправедливо расправился с Каллисфеном, и я не видел Каллисфена сидящим за одной трапезой с богом на десятом небе и пьющим нектар, подаваемый им Гебой. Бог дал мне достаточно разума, чтобы я мог убедиться в его существовании; но он не дал мне столь проникновенного взора, чтобы я мог увидеть происходящее на берегах Флегетона и в эмпиреях. Я сохраняю благоговейное молчание относительно кар, коими он казнит преступников, и наград, воздаваемых справедливым. Могу вам только сказать, что никогда не видел счастливого злодея, однако видел многих достойных людей весьма несчастными – это меня смущает и огорчает. Но эпикурейцы стоят перед той же трудностью, что и я. Они должны испытывать то же, что я, и так же, как я, стонать при виде довольно частого торжества преступления и добродетели, повергнутой к стопам порочного человека. И может ли быть столь утешительным для порядочных людей, какими являются истинные эпикурейцы, полное отсутствие надежды?

Калликрат. У этих эпикурейцев перед вами заметное преимущество: они не должны упрекать верховное существо, справедливого бога, за то, что он оставляет добродетель без помощи. Они признают богов только из чувства приличия, дабы не возмутить афинскую чернь; но они не делают их творцами людей, их судьями и палачами.

Эвгемер. Однако когда ваши эпикурейцы признают лишь бесполезных богов, занятых попойками и едой, разве они оказываются большими друзьями людей? Разве они этим подводят более прочный фундамент под добродетель и лучше утешают нас в наших несчастьях? Увы! Что толку, что в небольшом уголке Сицилии живет маленькое сообщество двуногих существ, худо ли, хорошо ли рассуждающих о Провидении?

Для того чтобы понять, будем ли мы счастливы или несчастны после своей смерти, следовало бы знать, может ли остаться от нас что-нибудь чувствующее, после того, как все наши органы чувств разрушены, что-нибудь мыслящее, после того как мозг, в котором рождаются мысли, источен червями и вместе с ними обращен в прах; может ли какая-либо способность или свойство живого существа продолжать жить, когда этого существа уже нет в живых? Эту проблему до сих пор не могла разрешить ни одна секта; более того, ни один человек не может понять ее смысл. Ведь если бы во время обеда кто-нибудь спросил: "Сохраняет ли заяц, поданный нам на блюде, способность бегать? А этот голубь – может ли он и теперь летать?" – вопросы эти были бы совершенно нелепы и возбудили бы хохот. Почему? Да потому, что противоречие, невероятность бросается здесь в глаза. А мы уже довольно видели, что бог не может творить невозможное, противоречивое.

Но если бы в мыслящее существо, именуемое человеком, бог вложил незримую и неосязаемую искорку, некий элемент или нечто более неощутимое, чем атом элемента, – то, что греческие философы именуют монадой, если бы эта монада была неразрушимой; если бы именно она в нас мыслила и чувствовала, тогда я не вижу, почему было бы нелепым сказать: эта монада может существовать и обладать идеями и ощущениями после того, как тело, чьей душой она является, уже разложилось.

Калликрат. Вы согласитесь, что, если изобретение этой монады и не совсем нелепо, оно все же очень рискованно; не стоит основывать свою философию на вероятностях. Если дозволено сделать из атома бессмертную душу, это право должно принадлежать эпикурейцам: именно они – изобретатели атомов.

Эвгемер. Действительно, я не выдаю вам свою монаду за доказательство; я предложил вам ее как греческую фантазию, позволяющую понять, хоть и не полностью, каким образом незримая и существенная частица нас самих может быть после нашей смерти наказана или вознаграждена, как она может парить в блаженстве или страдать от кар; правда, я не знаю, могу ли я с моими рассуждениями и допущениями найти справедливость в наказаниях, которые бог налагает на людей после их смерти, потому что в конце концов мне могут сказать: разве не он сам, создав людей, обрек их на зло? А если так, за что их наказывать? Быть может, существуют иные способы оправдать Провидение, но нам не дано их знать.

Калликрат. Значит, вы признаете: вы точно не знаете ни что такое душа, о которой вы мне толкуете, ни что за бог, коего вы проповедуете?

Эвгемер. Да, я очень смиренно и с большим огорчением это признаю. Я не могу познать их субстанцию, я не понимаю, как образуется моя мысль, не могу представить себе, как устроен бог: я – невежда.

Калликрат. И я также. Утешим же друг друга: все люди нам в товарищи.

Диалог пятый

НЕСЧАСТНЫЕ ЛЮДИ – ОНИ СТОЯТ НА КРАЮ ПРОПАСТИ

ИНСТИНКТ – ПРИНЦИП ЛЮБОГО ДЕЙСТВИЯ У РОДА ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Калликрат. Коль скоро вы ничего не знаете, я заклинаю вас поведать мне ваши предположения. Вы не объяснились со мной полностью. Сдержанность вызывает недоверие: философ, не обладающий чистосердечием, – не более чем политик.

Эвгемер. Я не доверяю лишь самому себе.

Калликрат. Говорите же, говорите! Иногда в случайных догадках кроется истина.

Эвгемер. Ну, что ж. Я догадываюсь, что люди всех времен и стран никогда не высказывали и не могли высказать ничего, кроме банальностей, по поводу всего того, о чем вы меня сейчас спрашиваете, и особенно ясно я догадываюсь, что нам абсолютно бесполезно быть осведомленными в этих вещах.

Калликрат. Как бесполезно?! Разве, напротив, не абсолютно необходимо знать, есть ли у нас душа и из чего она состоит? Разве не было бы величайшим наслаждением ясно узреть, что потенция души отлична от ее сущности, что душа – это все и что она полностью обладает качеством ощущения, будучи формой и энтелехией, как прекрасно сказал Аристотель? И особенно, что синэреза – это не обычная потенция!

Эвгемер. Все это, действительно, прекрасно. Но столь возвышенное знание для нас, очевидно, запрещено. Видимо, у нас нет в нем необходимости, ибо бог нам его не дал. Мы, без сомнения, обязаны ему всем тем, что может служить нам проводником в этой жизни, – разумом, инстинктом, способностью давать начало движению, способностью давать жизнь существу нашего вида. Первый из этих даров отличает нас от всех прочих живых существ; но бог нам никоим образом не открыл принципа этого дара, значит, он не желал, чтобы мы его знали. {Святой Фома великолепно объясняет все это в вопросах 5–82 части первой своей «Суммы», но Эвгемер не мог этого предвидеть. – Примеч. Вольтера.} Мы не можем догадываться даже о том, почему мы шевелим кончиком пальца, когда того хотим, и каково отношение между

этим маленьким движением одного из наших членов и нашей волей. Между тем и другим лежит бесконечность. Стремиться вырвать у бога его секрет, считать, будто мы знаем то, что он от нас утаил, – это, на мой взгляд, смехотворное кощунство.

Калликрат. Как! Я никогда не смогу узнать, что такое душа? И мне не будет даже доказано, что я таковой обладаю?

Эвгемер. Нет, мой друг.

Калликрат. Скажите же мне, что представляет собой наш инстинкт, о котором вы мне только что говорили. Вы сказали, что бог дал нам в распоряжение не только разум, но еще и инстинкт; мне кажется, это свойство обычно приписывают только животным и, по существу, даже не слишком хорошо понимают, что подразумевается под этой особенностью. Одни говорят: инстинкт – душа иного вида, нежели наша; другие верят, что это та же душа, но с другими органами; отдельные фантазеры утверждают, будто это всего только механизм; а что придумали на этот счет вы?

Эвгемер. Мне видится, что бог дал нам всё – и нам, и животным, и последние много счастливее наших философов: они не терзают себя желанием знать то, что по воле бога им неизвестно; их инстинкт более верен, чем наш; они не создают себе систем по поводу того, во что превратятся их свойства после их смерти; никогда ни одна пчела не имела глупости преподавать в своем улье, что жужжание ее вступит однажды в лодку Харона и тень ее будет откладывать воск и мед на полях блаженных; только наш извращенный разум мог придумать подобные басни.

Наш инстинкт в своем неведении гораздо мудрее: именно в силу инстинкта младенец сосет грудь своей кормилицы, не ведая, что своим ротиком он образует вакуум и именно этот вакуум заставляет грудное молоко стекать вниз в его желудок. Все эти действия инстинктивны. С того момента как у ребенка появляется немного силы, он вытягивает руки перед лицом при падении. Если он хочет перепрыгнуть через небольшую канаву, он бегом развивает в себе добавочную силу, хотя никто его не обучил тому, каков будет результат умножения его массы на его скорость. Если он находит плывущий по ручью большой кусок дерева, как бы мало он ни был отважен, он усаживается на эту дощечку, дабы переплыть на другой берег, не задаваясь вопросом, весит ли объем этого дерева вместе с объемом его тела меньше, чем соответствующий объем воды. Если он хочет поднять камень, он пользуется палкой как рычагом, не зная при этом, разумеется, теории движущих сил.

Даже те действия, что кажутся у него следствием воспитания и образованности разума, являются на самом деле следствиями инстинкта. Он не знает, что значит льстить, но между тем не упускает случая польстить тому, кто может дать ему желанную вещь. Если он видит, как бьют другого ребенка, как течет его кровь, он плачет, кричит, зовет на помощь, совершенно не думая при этом о себе.

Калликрат. Определите же мне этот инстинкт, коего вы привели только примеров.

Эвгемер. Инстинкт – всякое ощущение и действие, предшествующее раздумью.

Калликрат. Но ведь вы не толкуете о некоем скрытом (occulte) качестве, а ведь вам известно, что в наше время смеются над этими качествами, столь дорогими сердцам многих греческих философов.

Эвгемер. Тем хуже. Следует уважать скрытые качества, ибо от травинки, притягиваемой янтарем, и вплоть до пути, коим следуют столькие звезды в пространстве, от червячка, образующегося в сыре, и до галактики – все, что вы видите вокруг себя – будь то падение камня или бег кометы в небесах, представляет собой скрытое качество.

Слово это – достойное свидетельство нашего неведения. Великий зодчий мира позволил нам измерять, подсчитывать, взвешивать некоторые из его творений, но он не разрешил нам открыть их первичные пружины. Уже халдеи подозревали, что не Солнце вращается вокруг планет, а, наоборот, планеты вращаются вокруг него по различным орбитам. Но я сомневаюсь, чтобы можно было когда-то открыть, какая именно тайная сила увлекает их с запада на восток. Можно вычислить [скорость] падения тел; однако сумеем ли мы открыть первопричину силы, вызывающей их падение? Люди уже довольно давно заняты деторождением; однако они не знают, каким образом их жены за это берутся; наш Гиппократ по поводу этой великой тайны сумел выложить лишь соображения акушерки. Можно целую вечность спорить по

вопросам физики и морали, но инстинкт всегда будет править всей Землей, ибо страсти порождены инстинктом, а ведь они всегда будут нами владеть.

Калликрат. Если это так, значит, ваш бог – бог зла. Он дал нам родиться только затем, чтобы бросить нас в объятия мрачных страстей: это означает творить людей для того, чтобы вручить их дьяволам.

Эвгемер. Отнюдь нет. Существуют весьма благие страсти и бог нам дал разум, дабы их направлять.

Калликрат. Но что он представляет собой – этот бранный разум? Вы еще скажете мне, будто это другой вид инстинкта?

Эвгемер. Почти: он – необъяснимый дар сравнения прошлого с настоящим и заботы о будущем. Таково происхождение любого общества, любого института, любой государственности. Драгоценный этот дар – следствие другого дара бога, столь же непостижимого, – я говорю о памяти: то – другой инстинкт, общий у нас с животными, которым мы, однако, располагаем в несравненно более высокой степени; животные могли бы поэтому принимать нас за богов, если бы они иногда нас не пожирали.

Калликрат. Понимаю, понимаю: бог заботится о том, чтобы молодые лисята сохраняли в памяти случай с их отцом, попавшим в капкан; благодаря инстинкту эти лисята будут избегать ловушки, ставшей причиной смерти их отца. Бог внимательно являет памяти наших сиракузян, что оба наших Дионисия были скверными правителями, и он внушает нашему разуму идею республиканского правления. Он гонится за овчаркой, чтобы велеть ей собрать овец, потому что грозит опасность со стороны волка, сотворенного им как раз для того, чтобы тот пожирал овец. Все делает он, он все устроит, ниспровергает, восстанавливает и разрушает; он постоянно нарушает все свои законы и весьма бесполезно уготапливает себе всевозможные затруднения. Это и есть физическое преддвижение, предопределяющий указ, воздействие бога на его творения.

Эвгемер. Либо вы меня очень плохо поняли, либо весьма превратно толкуете мои слова. Я вовсе не утверждаю, будто творец природы вмешивается во все мелочи, хотя и думаю, что никакая мелочь его бы не утомила и не унизила. Я считаю, что он учредил всеобщие законы, незыблемые, вечные, в соответствии с коими всегда будут вести себя люди и животные; я вам это уже достаточно ясно сказал.

Диагор, автор "Системы природы", [2 – Под Диагором как автором "Системы природы" имеется в виду Гольбах.] говорит в своем пространном напыщенном сочинении почти то же, что вы. Вот его слова в главе IV тома II: "Ваш бог без конца занят созиданием и разрушением, следовательно, его образ существования не может быть назван незыблемым".

Диагор утверждает, что таким образом мы образуем своего бога из противоречивых качеств; он называет его смешной и страшной иллюзией. Но пусть он разрешит мне ему сказать: весьма дерзко так легкомысленно разделяться со столь серьезным вопросом. Поочередно создавать и разрушать на протяжении всех времен на основе постоянных и вечных законов – это не значит производить случайные перемены; напротив, это значит всегда быть подобным самому себе. Бог дает жизнь и смерть, но он дает их всему миру: он сделал жизнь и смерть необходимостью; он непреложно и постоянно выполняет этот свой план творения и осуществляет свое правление всегда единообразно. Вот если бы он дал возможность некоторым людям жить вечно, тогда, наверное, можно было бы сказать, что незыблемость ему не присуща. Но коль скоро все рождаются, чтобы потом умереть, его непреложность тем самым нерушимо засвидетельствована.

Калликрат. Я признаю: Диагор в этом ошибается; но разве он не прав в высшей степени, когда упрекает некоторых греков в том, что они изображают бога до смешного суетным существом, создавшим мир во имя собственной славы, дабы им восхищались? В том, что они рисуют его жестоким и мстительным господином, карающим за малейшее неповиновение вечными муками? В том, что делают его несправедливым и слепым отцом, покровительствующим из чистого каприза одним своим детям и обрекающим всех остальных на бесконечное злополучие? Действительно он сделал нескольких старших своих детей добродетельными, дабы вознаградить их за доблесть, бывшую для них неизбежной, и породил целое скопище младших, преступных, для того чтобы покарать их за преступления, навязанные им роком. В

том, наконец, что они сделали из бога нелепый фантом, жестокого тирана?

Эвгемер. Но то не бог мудрецов; то бог некоторых жрецов сирийской богини, [3 – Под сирийской богиней здесь имеется в виду дева Мария, мать Иисуса Христа; под ее жрецами подразумеваются христианские священники.] являющихся позором и ужасом человечества.

Калликрат. Ну, ладно: определите же мне, наконец, вашего бога чтобы уничтожить наши сомнения.

Эвгемер. Мне думается, я вам доказал, что бог существует, с помощью одного лишь неопровержимого аргумента: мир – восхитительное творение, а, следовательно, существует еще более восхитительный творец. Разум вынуждает нас его признать, и лишь безумие стремится к его определению.

Калликрат. Но ведь это полное невежество, и мы ничего не доказываем, без конца восклицая: "Существует нечто превосходное, но я не знаю, что это такое!"

Эвгемер. Припоминаете ли вы путешественников, которые, высадившись на острове, обнаруживают начертанные на прибрежном песке геометрические фигуры? "Смелее! – говорят они. – Вот следы человека!" Мы, стоики, глядя на этот мир, говорим: "Вот следы бога".

Калликрат. Покажите нам эти следы, прошу вас.

Эвгемер. Разве вы не видите их повсюду? И наш разум, и инстинкт, находящиеся в нашем распоряжении, разве не очевидные дары этого великого неведомого существа? Ведь их источником не являемся ни мы сами, ни та тина, на которой мы обитаем.

Калликрат. Прекрасно! Поразмыслив над всем тем, что вы мне сказали и вопреки всем сомнениям, возбуждаемым в моем уме распространенным на Земле злом, я все же укрепляюсь в мнении: бог управляет нашей планетой. Но не думаете ли вы, как греки, будто каждая планета имеет своего бога? Будто Юпитер, Сатурн и Марс правят на планетах, носящих их имя, подобно египетским фараонам или персидским и индийским царям – каждый в отведенной ему области?

Эвгемер. Я уже дал вам понять, что ни во что подобное я не верю, и вот на каком основании: вращается ли Солнце вокруг наших планет и нашей Земли, как это считает толпа, верящая лишь своим глазам, или, наоборот, сами Земля и планеты вращаются вокруг Солнца, как предположили современные нам халдеи [4 – Имеются в виду Коперник и Галилей] (и это гораздо более вероятно), неизменно остается верным, что одни и те же потоки света, постоянно изливающиеся с Солнца и доходящие до Сатурна, достигают всех этих планет в течение времени, пропорционального удаленности последних. Достоверно, что эти световые лучи отражаются от поверхности Сатурна и направляются к нам, а от нас – к нему всегда с одной и той же скоростью. Но столь огромное устройство, столь быстрое и однообразное движение, столь постоянное сообщение между невероятно удаленными друг от друга планетами могут быть созданы, по-видимому, лишь одним и тем же провидением. Если бы существовало множество одинаково могущественных богов, они либо имели бы различные намерения, либо одно и то же; если бы они не были между собой согласны, царил бы хаос; а если бы они питали одни и те же замыслы, это все равно как если бы существовал один бог. Не следует без нужды умножать существа, особенно же богов.

Калликрат. Но неужели вы находите таким смехотворным этот вид иерархии, если великий Демиург – верховное существо – породил подчиненных богов, дабы они правили под его водительством? Если он доверил Солнце своему возничему Аполлону, одну из планет – прекрасной Венере, другую – Марсу, наши моря – Нептуну, а атмосферу – Юноне?

Эвгемер. Я согласен: в этом нет ничего несуразного. Без сомнения, возможно, что великое бытие населило небеса и стихии существами, стоящими выше нас. Это столь обширная область и столь прекрасное зрелище для нашего воображения, что все известные народы носились с подобной идеей. Но поверьте мне, этих воображаемых полубогов мы можем признать лишь в том случае, если нам докажут, что они существуют. По моему понятию, мне известен во вселенной лишь один бог, существование которого доказал мне мой разум, и его творения, коим я свидетель. Я знаю, что он есть, хотя не знаю, что он такое; ограничимся же исследованием

его творений.

Диалог шестой

ПРОСВЕТИЛИ ЛИ НАС ПЛАТОН И АРИСТОТЕЛЬ ОТНОСИТЕЛЬНО БОГА И СОТВОРЕНИЯ МИРА?

Калликрат. Ну, хорошо! Скажите мне сперва, каким образом бог принялся за сотворение мира. Какова ваша система на этот счет?

Эвгемер. Моя система относительно творений бога – неведение.

Калликрат. Но если у вас довольно искренности, чтобы признаться в неведении относительно тайны бога, то у вас хватит, по крайней мере, чистосердечия и на то, чтобы сказать нам, что вы думаете о тех, кто претендует на такое знание этой тайны, как если бы они сами присутствовали в божественной лаборатории. Научили ли вас чему-нибудь Платон и Аристотель?

Эвгемер. Они научили меня не доверять ничему из того, что они написали. Вам известно: у нас в Сиракузах живет семья Архимедов, занимающихся из поколения в поколение практической физикой, – то подлинная наука, основанная на опыте и геометрии; семейство это пойдет далеко, если будет жить дальше; однако я был весьма удивлен, когда прочел божественного Платона, постаравшегося использовать то небольшое, что он знал в геометрии, для придания кажущейся точности своим измышлениям.

Согласно Платону, бог поставил пред собой задачу организовать четыре элемента в соответствии с изменениями пирамиды, куба, октаэдра, икосаэдра и особенно додекаэдра. Пирамида символизирует своим острием огонь; на долю воздуха достался октаэдр; икосаэдр символизировал воду; куб ввиду своей плотности по праву принадлежал земле; но триумфом Платона стал додекаэдр: ведь фигура эта образуется двенадцатью плоскостями и, таким образом образует зодиак, в какой-то входят двенадцать животных; каждая из двенадцати поверхностей может разделяться на тридцать частей, что явно образует триста шестьдесят градусов круга, оббегаемого Солнцем в течение года.

Платон дословно перенял все эти прелести у локрийца Тимея. Тимей их взял у Пифагора, а Пифагор, как утверждают, получил их из рук брахманов.

Трудно дальше зайти в шарлатанстве. Тем не менее Платон превосходит самого себя, добавляя от своего лица, что бог, посоветовавшись со своим Логосом или, иначе говоря, со своим разумом, своим словом (кое Платон именует сыном бога), создал мир, состоящий из Земли, Солнца и планет. Платон также обожестил мир, дав ему душу: все это и образует его знаменитую триаду. Но почему мир этот – бог? Да потому, что он кругл, а округлость – совершеннейшее из очертаний.

Платон объясняет все совершенства и несовершенства этого мира с такой легкостью, будто он его только что создал. Особенно способ, каким он доказывает в своем «Федоне» бессмертие человеческой души, поражает своей прозрачностью: "Не говорите ли вы, что смерть противоположна жизни? – Да. И что они рождаются одна из другой? – Да. – Что рождается из живого? Мертвое. – А от мертвого? – Живое. – Значит, все живое рождается от мертвого, а следовательно, души людей после кончины оказываются в преисподней? – Это ясно само собой".

Вот каким образом Платон заставляет рассуждать Сократа в диалоге «Федон». В истории сохранился рассказ, согласно которому Сократ, прочтя это сочинение, воскликнул: "Какие глупости заставляет меня говорить наш друг Платон!"

Если бы богу показали все то, что приписывает ему этот грек, возможно, он бы воскликнул: "Какие глупости заставляет меня этот грек делать!"

Калликрат. В самом деле, у бога было бы достаточно оснований немножко над ним посмеяться. Вчера я перечитал его диалог, озаглавленный «Пир». Я очень смеялся над тем, что бог создал мужчину и женщину, соединенных между собой пупком, но при этом каждый из них находится за спиной другого. Обоим дан один только мозг, но каждый имеет свое лицо. Существо это именуется андрогинном; притом оно так возгордилось своими четырьмя руками и четырьмя ногами, что задумало, подобно

титанам взять штурмом небо. Бог, дабы покарать его, разрезал его пополам, и с тех пор каждая половина устремляется за своей второй половиной, но редко ее настигает. Следует признать: сама эта идея постоянных поисков своей половины – забавна и остроумна; но достойна ли подобная шутка философа? Миф о Пандоре прекраснее и гораздо лучше объясняет ошибки и несчастья человеческого рода.

А сейчас поведайте мне, что вы думаете о системе Аристотеля? Ведь я хорошо вижу: система Платона вам не по душе.

Эвгемер. Я знал Аристотеля: мне показалось, что он одарен более основательным и широким умом, чем его учитель Платон, сильнее украшенным истинными познаниями. Он первый сделал рассуждение искусством. В его новом методе ощущалась нужда. Правда, я признаю, что для ладно скроенных умов метод этот весьма утомителен и бесполезен; однако он очень полезен для разъяснения двусмысленности софистов, коими кишит Греция. Аристотель распахал необъятное поле естественной истории. Его история животных – прекрасный труд, и еще более меня удивляет то, что наилучшими правилами поэтики и риторики мы обязаны именно ему; он пишет об этом прекраснее, чем Платон, претендующий на великое остроумие.

Аристотель, как и Платон, допускает перводвигатель, верховное бытие, вечное, неделимое и неподвижное. Я не знаю, имеет ли он право, говоря о совершенстве неба, приводить в качестве доказательства то, что небо содержит совершенные вещи. Он явно хочет этим сказать: находящиеся в небе планеты содержат богов – и тут он опускается до суеверия греческой толпы, полагающей, будто планеты эти заселены богами, или, точнее, утверждающей это, хотя она в это не верит.

Аристотель утверждает, что мир единствен. В качестве доказательства этой истины он приводит соображение, гласящее: если бы существовало два мира, Земля одного из них устремлялась бы неизбежно к Земле другого и каждая из этих Земель непременно сошла бы со своего места. Подобное утверждение показывает, что он не более нас был в курсе того, вращается ли Земля вокруг Солнца как вокруг своего центра, и какая сила удерживает ее на ее месте. У народов, именуемых нами варварами, есть философы, открывшие эти истины, и я вам скажу, что греки, похваляющиеся тем, что они явились учителями других народов, быть может, недостойны даже краем уха послушать этих так называемых варваров.

Калликрат. Вы меня поражаете. Но продолжайте.

Эвгемер. Аристотель верит, что этот мир, такой, каким мы его видим, вечен, и он упрекает Платона в том, что он объявил его рожденным и одновременно неразрушимым. Вы согласитесь со мной, что оба они спорили о тени осла, не более принадлежавшей одному из них, чем другому.

Звезды, говорит Аристотель, той же природы, что и несущее их тело, разве только они более уплотнены. Они – причина тепла и света на Земле, так как вызывают быстрое трение воздуха, подобно тому как сильное движение воспламеняет дерево и расплавляет свинец. Как видите, это не очень разумная физика.

Калликрат. Я вижу, что нашим грекам надо еще долго учиться у ваших варваров.

Эвгемер. Меня досадует, что, заверив нас, будто мир вечен, он затем говорит, что элементы не вечны: ведь несомненно, если мой сад вечен, то и земля его вечна. Аристотель уверяет, будто элементы не могут жить вечно, ибо они постоянно переходят один в другой. Огонь, говорит он, становится воздухом, воздух переходит в воду, вода – в землю. Однако постоянное изменение элементов не препятствует вечному существованию мира.

Признаюсь, я не согласен с ним в том, что воздух переходит в огонь, а огонь – в воздух; еще труднее понять мне, что он говорит о возникновении и гибели. "Всякая гибель, – глаголет он, – следует за рождением; гибель конечный предел, возникновение же – начало".

Если он хочет здесь сказать, что все родившееся затем умирает, то это банальная истина, не заслуживающая повторения и тем более столь таинственного провозглашения.

Калликрат. Боюсь, что он согласен с убеждением неразумной толпы, а именно будто любое семя должно раньше сгнить и погибнуть для того, чтобы затем возродиться.

Это было бы недостойно такого мудрого наблюдателя, как он. Ведь ему достаточно было исследовать всего лишь одно пшеничное зерно, посаженное недавно в землю. Он обнаружил бы, что оно – свежее, хорошо вскормленное, утвердившееся на своих корнях и не несущее в себе ни малейшего признака разложения. Человек, который стал бы утверждать, что пшеница произрастает из гнили, имел бы весьма гнилую способность суждения. Такое суждение простительно грубым крестьянам с берегов Нила. Они верили, что существуют крысы, наполовину состоящие из грязи, а наполовину живые; между тем то были просто грязные крысы.

Эвгемер. Отречемся же от вашего Эпикура, построившего свою философию на этой нелепой ошибке: он утверждал, что люди изначально возникли из гнили, как крысы Египта, и грязь заменяла им бога-создателя.

Калликрат. Я чуть-чуть за него стыжусь. Однако вернитесь, прошу вас, к вашему Аристотелю; мне кажется, он, как и все прочие люди, примешал ряд ошибок к нескольким истинам.

Эвгемер. Увы! Он их примешал столько, что, говоря о случайно народившихся живых существах, он подчеркивает: "Когда естественное тепло бывает изгнано, то, что остается от разложения, старается соединиться с маленькими частицами, готовыми принять жизнь под воздействием Солнца; именно таким образом были порождены черви, осы, блохи и другие насекомые". Я очень признателен ему за то, по крайней мере, что он не поместил человека в разряд ос и блох, столь неожиданно народившихся.

Я охотно подпишусь подо всем тем, что он говорит об обязанностях человека. Его этика кажется мне столь же прекрасной, как его риторика и поэтика. Но я не могу следовать за ним в том, что он именует своей метафизикой, а иногда – своей теологией. Бытие, оказывающееся лишь бытием, субстанция, не обладающая ничем иным, кроме сущности, десять категорий – все это кажется мне ненужными тонкостями; и таков вообще дух греков; я исключаю здесь лишь Демосфена и Гомера. Первый предъясляет своим слушателям только сильные и блестящие доводы; второй предлагает своим читателям лишь великие образы; но большинство греческих философов больше заняты словами, чем сутью. Они прячутся в оболочку из множества определений, ничего не определяющих, различений, ничего не раскрывающих, и объяснений, которые ничего не объясняют или объясняют очень немногое.

Калликрат. Сделайте же, чего не сделали они: объясните мне относительно души то, что не объяснил Аристотель.

Эвгемер. Я сейчас вам скажу, что он говорил, не вдаваясь в разъяснение его слов; скажу вам также, что вы меня не поймете, ибо я не могу здесь понять самого себя:

"Душа – это нечто легчайшее; сама по себе она не движется, ее движут объекты. Она – не гармония, как это предполагали многие другие, ибо она постоянно испытывает несогласие противоположных чувств. Она не рассеяна повсюду, потому что мир полон неодушевленных вещей. Она – энтелехия, включающая в себя принцип действия, имеющая в потенции жизнь. Душа – то, что способствует нашей жизни, чувствованию и мышлению".

Калликрат. Признаюсь, если я встречу на своем пути после этой беседы одинокую душу, я не смогу ее распознать. Увы! Чему может меня научить греческая душа с ее непостижимыми тонкостями? Я скорее бы предпочел просветиться у тех философов-варваров, о которых вы мне говорили. Не будете ли вы столь любезны и не познакомите ли меня с мудростью гуннов, готов и кельтов?

Эвгемер. Я постараюсь вам объяснить то немногое, что я здесь знаю.

Диалог седьмой

О ФИЛОСОФАХ, ПРОЦВЕТАВШИХ У ВАРВАРОВ

Эвгемер. Поскольку вы именуете варварами всех тех, кто жил не в Афинах, Коринфе и Сиракузах, я хочу повторить вам: среди этих варваров есть гении, коих ни один грек пока не в состоянии понять и к кому мы все должны были бы пойти в обучение.

Первый, о котором я вам поведаю, – то ли гунн, то ли сармат – жил среди киммерийцев, на северо-западе Рифейских гор; звался он Перконик.[5 – Анаграмма имени Коперника] Человек этот разгадал истинную систему мира и дал тому доказательства, в то время как халдеи только смутно усматривали некую несовершенную идею.

Эта истинная система состоит в том, что все мы, сколько нас есть, когда говорим, что Солнце встает и садится, что наша маленькая Земля является центром Вселенной, что все планеты и неподвижные звезды, а также все небеса вращаются вокруг нашего брэнного обиталища, – мы не понимаем ни слова из того, что произносим. В самом деле, какая существует вероятность того, что это множество звезд, удаленных от нас на миллионы миллиардов стадий и во много миллиардов раз больших, чем Земля, были созданы лишь затем, чтобы усладить наш взор в течение ночи, чтобы они в необъятном просторе ежедневно колебались вокруг нас в двадцатичетырехчасовом танце лишь для нашей забавы?! Эта смехотворная химера основана на двух недостатках человеческой природы, которые ни один греческий философ не умел исцелить, – на слабости наших маленьких глаз и на нашем раздутым тщеславии: мы потому полагаем, будто звезды и наше Солнце движутся, что у нас плохое зрение; и мы верим, что все это создано для нас, ибо мы очень тщеславны.

Наш сармат Перконик утвердил свою систему до того, как опубликовал ее в письменном виде. Он пренебрег ненавистью друидов, утверждавших, что эта истина наносит огромный вред ветви дуба. Истинные ученые сделали ему возражение, которое могло бы смутить человека менее убежденного и твердого, чем он. Он утверждал, что Земля и планеты совершают свои периодические кругообороты вокруг Солнца за различное время. "Все мы – Венера, Меркурий и сама Земля – движемся вокруг Солнца по своей орбите" – заявлял он. "Если бы это было так, – отвечали ему эти ученые – Венера и Меркурий должны были бы являть нам фазы, подобные лунным". – "Так оно и есть, – отвечал сармат, – и вы увидите это, когда ваше зрение станет лучше".

Он умер, не сумев дать им новое зрение, в котором они так нуждались.

Еще более великий человек, по имени Лейлига,[6 – Анаграмма имени Галилея.] рожденный среди этрусков, наших соседей, изобрел это зрение, коему предстояло просветить всю Землю. Варвар этот, более утонченный, искусный и больший философ, чем все греки, вместе взятые, по одному только услышанному им простому рассказу о проделке мальчишек придумал обточить и расположить кристаллы таким образом, что с их помощью можно было увидеть новое небо: он доказал взору то, о чем так правильно догадался сармат. Венера обнаружила те же фазы, что и Луна; и если Меркурий не явил того же самого, то лишь потому, что он слишком сильно освещается солнечными лучами.

Наш этруск сделал более того: он открыл новые планеты. Он увидел и показал другим, что это Солнце, о котором говорили, будто оно поднимается с ложа, как супруг и как исполин, дабы следовать своим путем, на самом деле не движется с места и вращается вокруг своей оси в течение двадцати пяти с половиной наших дней, как мы вращаемся в течение двадцати четырех часов. Люди были удивлены тем, что узнали на Западе тайну творения, никому не ведомую на Востоке. Друиды[7 – Имеется в виду папа Урбан VIII и инквизиция.] восстали против моего этруска даже сильнее, чем против сармата: еще немного, и они заставили бы его проглотить даже цикуту, приправленную беленой, как эти афинские безумцы поступили с Сократом.

Калликрат. Все, что вы мне сейчас говорите, буквально поражает меня восхищением. Почему вы не рассказали мне этого раньше?

Эвгемер. Но вы меня о том не просили. Вы толковали со мной лишь о греках.

Калликрат. Больше я с вами не буду о них говорить. А в этой Этрурии, имеющей столь великих философов, есть и поэты?

Эвгемер. Там есть поэты, которых я считал бы намного выше Гомера, если бы Гомер не опередил их на несколько столетий: ведь быть первым – уже большая заслуга.

Калликрат. А не скажете ли вы мне, почему эти ваши мерзкие друиды подобным образом преследовали Лейлигу, высокочтимого мудреца Этрурии?

Эвгемер. Да потому, что они прочли, уж не знаю в какой книге Геродота, что в

Египте Солнце дважды изменяло свой путь: ведь если оно действительно его изменяло, значит, движется оно, а не Земля. Однако истинная причина их гнева – ревность.

Калликрат. Ревность! Но к чему?

Эвгемер. Они претендуют на то, что право учить людей принадлежит только друидам, а Лейлига учил их, не будучи таковым, – это его непростительная вина. Ярость друидов достигла предела, когда истины, объявленные великим Лейлигой, были наглядно доказаны в соседней республике. [8 – Эта республика – Венеция.]

Калликрат. Как! Это произошло в Римской республике? Мне представляется, что до сих пор она не слишком могла похвалиться физическими исследованиями.

Эвгемер. Нет, это произошло совсем в иной республике. Страна, о которой я вам говорю, расположена между Иллирией и Италией. Она совсем не похожа на Рим, наоборот, в ней часто происходит нечто противоположное, особенно в методе мышления. Римская республика считается захватчицей, а Иллирийская вовсе не желает стать объектом нашествия. Особенно характерна для Рима одна странная мания: он хочет, чтобы весь мир думал, как он. Иллирийская же республика в деле мышления советуется лишь со своим разумом. Лейлига имел удовольствие продемонстрировать мудрецам этого государства все искусное строение неба. Он стал толмачом бога перед лицом самых уважаемых людей мира. Сцена эта разыгралась на площадке башни, царящей над Адриатическим морем. [9 – Башня св. Марка.] То был прекраснейший из когда-либо дававшихся спектаклей. В нем представляли природу. Лейлига изображал Землю; глава республики, Сагрето, играл роль Солнца. Другие были Венерой, Меркурием и Луной: им велели маршировать с факелами в том порядке, в каком эти светила вращаются в небе.

Как поступают тогда друиды? Они осуждают старого философа на покаянный пост, сажают его на хлеб и воду и заставляют каждодневно читать вслух несколько строк, чтению которых обучают детей, – так он должен был искупить доказанные им истины.

Калликрат. Афинская цикута горька. В каждой стране есть свои друиды. А этрусские друиды раскаялись ли так, как их афинские собратья?

Эвгемер. Да. Теперь они краснеют, когда им говорят, будто Солнце не движется, и разрешают предполагать, что оно является центром мира планет – при условии, если эту истину не относят к разряду фактов. Если вы станете утверждать, что Солнце всегда остается там, куда его поместил бог, вы надолго будете посажены на хлеб и воду, после чего вас вынудят громогласно заявить, что вы – богохульник.

Калликрат. Друиды эти – странные люди.

Эвгемер. Но то старинный обычай; каждая страна имеет свои обряды.

Калликрат. Полагаю, что обряд этот внушил этрусским, готским и кельтским философам некоторое отвращение к системам.

Эвгемер. Не более, чем смерть Сократа сумела оттолкнуть Эпикура. После смерти моего этруска северная часть Запада кишела философами. Я узнал это во время моего путешествия в Галлию, Германию и на один заокеанский остров; [10 – Имеется в виду Англия.] с философией произошло то же самое, что с танцами.

Калликрат. Как это?

Эвгемер. Друиды в одной из самых маленьких и захолустных стран Европы [11 – Имеется в виду кальвинистская Швейцария.] запретили танцы, и они сурово наказали одного чиновника и его жену за то, что те исполнили менуэт. {Жан Шовэн, именуемый Кальвином, приказал осудить одного высокопоставленного чиновника за то, что тот после ужина протанцевал со своей женой. – Примеч. Вольтера.} Но впоследствии весь мир научился танцевать; это приятное искусство всюду усовершенствовалось. Точно таким же образом сделал новый взлет человеческий разум: каждый стал изучать природу, все начали ставить опыты; был взвешен воздух, изгоняемый из мест своего заточения; были изобретены полезные для общества механизмы – а это и есть истинная цель философии; великие философы просветили Европу и ей служили.

Калликрат. Прошу вас, скажите мне, кем были те из них, чья слава наиболее велика.

Эвгемер. Хочу надеяться, что вы спросите меня не о том, кто из них произвел больше шума, но кто оказался самым полезным.

Калликрат. Я спрашиваю вас о том и о другом.

Эвгемер. После моего этруска наделал больше всех шума галл, по имени кардет: [12 – Анаграмма имени Декарта.] он был отличным геометром, но плохим архитектором, ибо он воздвиг здание без фундамента и зданием этим была вселенная. Дабы построить свою вселенную, он попросил у бога лишь предоставить ему материал; из этого материала он сформировал шестигранные игральные кости и сделал ими такой бросок, что вопреки невозможности собственного движения они внезапно образовали солнце, звезды, планеты, кометы, земли и океаны. В этом странном вымысле не было ничего от физики, геометрии или здравого смысла; но в те времена галлы ничего больше не знали об этом предмете: они славились только большими романами. Роману Кардета они придали столь всеобщее значение, что один из прямых потомков Эзопа [13 – Имеется в виду французский баснописец XVII в. Вольтер дает в своем вольном переложении.] сказал:

Кардет, кого мы все обожествили,
Из смертного вдруг богом сотворили
В минувшие века, тогда как он –
Лишь среднее меж человеком и умом.
Так среднее меж человеком и улиткой
Дает нам в сновиденьях образ зыбкий.

{Лафонтен, книга X, басня 1 (у Лафонтена: Декарт (строка 1) и у язычников (строка 2, в нашем переводе – строка 3). – Примеч. переводчика.}

Эти слова кельта из семейства Эзопа – глас народа, но не мудреца.

Калликрат. Ваш творец вселенной Кардет был всего лишь половинкой Платона: ведь сей галл создал Землю из игральных костей, имеющих всего шесть граней, в то время как Платон требовал двенадцатигранные кости.

И это – ваши философы, в школе которых должны обучаться все наши греки? Каким образом целая нация смогла дать веру подобным бредням?

Эвгемер. Таким же образом, как Сиракузы поверили в нелепые выдумки Эпикура – в отклоняющиеся атомы, в интермундии, в животных, случайно образовавшихся из грязи, и в тысячи других глупостей, изрекаемых с полной уверенностью. Более того, существовала серьезная тайная причина, побуждавшая лучшую часть нации склонить головы перед системой Кардета: она представлялась по многим пунктам противоположной учению друидов. Уж не знаю почему, но этих друидов не любят ни в Италии, ни в Галлии, ни в Германии, ни на Севере. Быть может происходит это потому, что народ, весьма часто впадающий в заблуждение, считает их слишком могущественными, богатыми и высокочерными, ведь они преследовали бедного Кардета так же, как и Лейлигу; во многих странах существуют Сократы и Аниты. Северная Европа долгое время была охвачена учеными диспутами по поводу трех видов материи, коих никто не видел в глаза, по поводу вихрей, существование которых было невероятным, переменчивой благодати и сотни других нелепостей, еще более фантастичных, чем субстанциальные формы Аристотеля и андрогини Платона.

Калликрат. Но если дело обстоит таким образом, то в чем, собственно говоря, превосходство ваших варваров над греческими философами?

Эвгемер. Я вам сейчас скажу. Во время всех этих диспутов о трех материях и многих других вытекавших отсюда пустопорожных идеях нашлись здравомыслящие люди, отказавшиеся признать любые истины, кроме тех, что они познали на опыте или какие были доказаны им математическим путем; именно поэтому я не стану вам говорить ни о гениальном человеке, [14 – Имеется в виду Мальбранш.] чья система состояла в беседах со Словом, ни о другом, еще более гениальном, питавшем паразитические иллюзии относительно души.

Калликрат. Как вы говорите? Разговоры со Словом?! То есть с Логосом Платона? Это было бы любопытно.

Эвгемер. Говорят, что речь здесь идет о более уважаемом Глаголе, но так как никто в этом ничего не смыслит и никто никогда не был свидетелем подобной беседы, я не могу знать того, что там говорилось.

Калликрат. А варвар, изрекший столь удивительные мысли о душе, – чему он нас научил?

Эвгемер. Тому, что существует гармония. [15 – Имеется в виду учение Лейбница.]

Калликрат. Ф-фу! Уж очень давно нам морочат голову этой пресловутой гармонией души, которую Эпикур так решительно опроверг.

Эвгемер. О! Та гармония, о которой я говорю, совсем иного рода: это – предустановленная гармония.

Калликрат. Предустановленная или нет – я здесь все равно ничего не смыслю.

Эвгемер. Автор этой идеи смыслит не более вас; но он утверждает, будто ни тело не зависит от души, ни душа – от тела и будто душа со своей стороны чувствует и мыслит, а тело со своей соответственно действует. При этом тело может находиться на одном конце Вселенной, а его душа – на другом, и между ними существует совершенное взаимопонимание, хотя они меж собою и не сообщаются: одна может играть на скрипке в глубине Африки, другое – плясать в такт в Индии. Душа эта всегда в согласии с телом, своим супругом, хотя никогда с ним не беседует, ибо она – зеркальный фокус вселенной. Вы хорошо меня понимаете?

Калликрат. Благодарение богам, ни слова! Но доказаны ли все эти прелестные вещи?

Эвгемер. Насколько я знаю, нет. Однако научные журналы, представляющие собой зеркальный фокус всего того, что именуется наукой, пишут об этом раз в год за тридцать оболов, и этого бывает достаточно для славы изобретателя и удовлетворения его ревностных приверженцев.

Я рассказал вам о людях, занимающихся болтовней со Словом, и о тех, чья душа – зеркальный фокус вселенной, дабы вы убедились, что в холодных странах жив еще жар воображения. Вечером, если вы пожелаете, я расскажу вам о гораздо более серьезных и великолепных идеях.

Калликрат. Мне не терпится о них услышать; вы переносите меня в другой мир.

Диалог восьмой

ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ ФИЛОСОФОВ-ВАРВАРОВ;

ГРЕКИ В СРАВНЕНИИ С НИМИ – ДЕТИ

Эвгемер. После того как в различных странах некоторые люди стали развивать свою способность мышления, они долго и тщетно исследовали вопрос, почему любые тела падают с воздуха на землю и почему они достигали бы центра земного шара, если бы их не задерживала его поверхность; это было доказано опытами в знаменитых колодцах Мемфиса и Сьенны, в которые, как можно было видеть, проваливались самые тяжелые и самые легкие тела, брошенные на возможно большую высоту в воздух самыми сильными механизмами. Толпа при виде тела, брошенного в воздух, с тем чтобы оно потом устремилось к земле, удивлялась не больше, чем она была бы удивлена при виде смены дня ночью, хотя ее любопытство должны были бы возбудить оба эти феномена. философы бились над причинами тяготения, но безуспешно. Наконец, на острове Касситериды, [16 – Подразумевается Англия.] в стране нам незнакомой, в дикой местности, где люди совсем недавно разгуливали обнаженными, нашелся мудрец, [17 – Имеется в виду Ньютон.] воспользовавшийся открытиями других мудрецов; он присоединил к ним свои, более веские открытия и предъявил пораженной Европе решение и доказательство проблемы, безрезультатно занимавшей умы всех ученых с первого момента зарождения философии: он показал, что закон тяготения был всего лишь следствием первой теоремы самого бога – этого вечного Геометра.

Дабы прийти к этому знанию, надо было выяснить размер диаметра Земли, а также на сколько своих диаметров Луна, ее спутник, отделена от ее центра, находясь в зените. Затем надо было подсчитать скорость падения тел и доказать, что их заставляет падать вовсе не ток воздуха, как полагали раньше. Философ с острова Кассетерида доказал, что сила притяжения, порождающая вес, действует пропорционально массам, количеству материи, а не пропорционально поверхностям, как то происходит в жидкостях; таким образом, это притяжение действует как сто единиц на тело, имеющее сто единиц материи, и как десять – на тело, материя которого составляет десятую часть [от первого].

Оставалось открыть, что любое тело, находящееся вблизи Земли, падая, проходит пятьдесят четыре тысячи футов в первую минуту; а если бы оно падало с высоты шестидесяти земных радиусов, оно за то же самое время проходило бы не больше пятнадцати футов. Расчет показал, что Луна – именно то тело, которое, находясь от Земли на расстоянии шестидесяти земных радиусов, пробежало бы вдоль своего меридиана за одну минуту небольшой отрезок в пятнадцать футов вертикально по направлению к Земле.

Было доказано, что это светило не только тяготеет, притягивается к Земле и имеет вес, пропорциональный своей массе, но также и что оно тяготеет к Земле тем больше, чем более оно к ней приближается, и тем меньше, чем более оно от нее удаляется, в соответствии с квадратом его расстояния от Земли.

Тот же закон соблюдается всеми остальными светилами по отношению друг к другу, поскольку любой закон природы единообразен: каждая планета притягивается к Солнцу, а Солнце – к ней, вследствие того что все они состоят из материи и в соответствии с квадратом расстояния каждого светила от другого.

Но это еще не все. Эти варвары вдобавок открыли, что, если какое-либо тело движется вокруг некоего центра, оно описывает вокруг этого центра площади, пропорциональные времени, за которое оно их облетает, а раз оно описывает такие площади пропорционально этому времени, значит, оно испытывает тяготение, притягивается к этому центру. На основе такого и некоторых других законов Касетеридец доказал неподвижность Солнца и бег планет, а также комет, циркулирующих вокруг Солнца по эллипсам.

Это творение отличалось и от платоновского с его треугольниками и додекаэдрами и от пифагоровского с его семью музыкальными тонами; оно было основано на самой величественной геометрии. Вы, кажется, мне, изумлены; но так оно и должно быть. Вы будете, возможно, поражены еще больше, когда узнаете: варвар этот показал людям, что представляет собой свет, и он сумел произвести анатомию световых лучей с большей ловкостью, чем Гиппократ когда-либо смог вскрыть движущие пружины человеческого тела. Один великий астроном, его соотечественник, бывший также большим поэтом, недаром о нем сказал:

Более всех подобен богам он среди смертных.

{Мы даем здесь перевод вольтеровского французского перевода стиха Галлея: *Nee propius fas est attingere divos* – "Смертному не дано быть ближе к богам" (лат.). – Примеч. переводчика.}

Калликрат. А вы – вы из всех смертных больше других сделали мне добра, ибо избавили меня от моих предрассудков. Наш Эпикур – отличный человек, обладавший всеми общественными добродетелями, – был всего лишь дерзким невеждой, тщеславно осмелившимся создать систему. Я весьма сильно подозреваю, что ваш островитянин, человек великий, имел много учеников и соперников как среди своего народа, так и среди соседей.

Эвгемер. Вы правы; количество порожденных им споров превзошло число преподанных истин.

Калликрат. Кто-то из этих спорщиков мог бы, без сомнения, обнаружить, что такое душа. Вопрос этот очень меня беспокоит. То великая тайна, о коей судили и рядили наши греческие философы, но ничего путного нам не сообщили. Зачем мне, скажите пожалуйста, знать, что одна планета тяготеет к другой и что можно препарировать луч света, если я не знаю самого себя?

Эвгемер. По крайней мере, вы можете лучше узнать природу и великое существо,

правлящее ею.

Калликрат. Если нашей души так трудно коснуться, то ваши великие северные мыслители могли, по крайней мере, в совершенстве познать наше тело: это интересует меня не менее моей души. Я льщу себя надеждой, что люди, сумевшие взвесить светила, в совершенстве знают, каким образом на Земле был создан человек, как была создана сама Земля, какие она испытала катаклизмы и когда она будет разрушена. Я хочу проникнуть полностью в тайну возникновения живых существ; хочу знать, откуда берется тепло, одушевляющее всю природу, и кто живет в ледяном поясе. Я возмущен, что не знаю, каким образом я существую, и как существует этот шар, по которому я ступаю, эти животные, растения, питающие меня, и элементы, образующие всемирное целое.

Эвгемер. Вижу – у вас большие претензии. Вы напоминаете мне одного галльского маркиза, с коим я познакомился во время своих путешествий. Он сочинил мемуары, где пишет: "чем больше я себя изучаю тем больше вижу, что гожусь лишь на то, чтобы быть королем". {Маркиз де Лассэ – в своих «Мемуарах» (т. IV, с. 322), переизданных в Лозанне в 1756 году. – Примеч. Вольтера. [18 – имеется в виду книга Лассэ (1652–1738) "О различных вещах", первое издание которой вышло 1727 г.]} Что до вас, то вы желаете все знать; вы явно считаете себя пригодным к тому чтобы быть богом.

Калликрат. Не смейтесь над моей любознательностью: мы никогда ничего бы не знали, если бы не были любопытны. Я не могу отправиться в обучение к вашим ученым варварам – меня удерживает в Сиракузах моя жена. Скажите, как додумалась она до того, чтобы подарить мне ребенка, если не более моего знала, что происходит у нее там внутри? Ваши ученые, столь зорко усмотревшие пружину, с помощью которой бог приводит в движение все миры, должны были, без сомнения, понять, каким образом продолжается наш род.

Эвгемер. Очень часто по ряду вопросов нам лучше бывают известны вещи, находящиеся вне нас, чем то, что у нас внутри. Мы поговорим об этом в нашей следующей беседе.

Диалог девятый

О ПОРОЖДЕНИИ

Калликрат. Я всегда поражался тому, что Гиппократ, Платон и Аристотель, имевшие детей, не были согласны между собой в отношении способа, каким природа производит это непрерывное чудо. Правда, они говорят, что в нем принимают участие оба пола, каждый из которых дает для этого немножко своей жидкости, но Платон, постоянно подменяющий природу своей теологией, рассматривает при этом одну лишь гармонию числа три – оплодотворяющее начало, оплодотворяемое и самку, в которой совершается акт оплодотворения: такая триада образует гармоническое соотношение; однако акушерка всего этого не понимает. Аристотель ограничивается сообщением, что самка производит материю зародыша, а обязанность самца – форма; это тоже не дает нам никаких дополнительных знаний.

Неужели нет никого, кто видел бы манипуляции природы так, как обычно видят манипуляции скульптора, создающего статую путем обработки глины, дерева или мрамора?

Эвгемер. Скульптор работает при свете дня, природа же – в темноте. Все, что до сих пор знали об этой природе, сводится к жидкости, которую всегда извергают при совокуплении самцы и выделение которой отрицают у многих самок; но все же преобладает физика двух детородных жидкостей, принятая в учении Гиппократа. Ваш Эпикур делает из этого сочетания некий род божества, определяя такое божество как наслаждение. Наслаждение это столь могущественно, что в Греции не допускают поисков иной причины.

В конце концов один великий физик, также уроженец острова Касситериды, опираясь на открытия некоторых итальянских физиков, заменил детородные жидкости яйцом. Этот великий анатом, по имени Аривхе, [19 – Анаграмма имени Гарвея.] заслуживает тем большего доверия, что он усмотрел в нашем теле циркуляцию крови, которой наш Гиппократ никогда не замечал и о которой Аристотель даже не подозревал. Аривхе

произвел вскрытие тысячи четвероногих матерей семейств, воспринявших жидкость самца; но после того как он исследовал также куриные яйца, он решил, что все происходит из яйца и разница между птицами и другими видами животных состоит в том, что птицы высиживают яйца, другие же виды, – нет; женщины, таким образом, не отличаются от белой европейской курицы и черной курицы центральной Африки. После Аривхе люди стали твердить: все происходит из яйца.

Калликрат. Итак, эта тайна раскрыта.

Эвгемер. Нет. Очень скоро все изменилось: оказалось, что мы не происходим из яйца. Появился некий житель [20 – Имеется в виду Левенгук.] Батавии, [21 – Имеется в виду Голландия.] с помощью искусно обточенного стекла узревший в семенной жидкости самцов целый народец уже полностью сформировавшихся младенцев, передвигающихся с чудесной живостью. Многие любознательные мужчины и женщины проделали тот же эксперимент, и люди поверили, что тайна рождения наконец раскрыта, поскольку были обнаружены маленькие живые человечки в семени их отца. К несчастью, живость, с какой они плавали в жидкости, подорвала к ним доверие. Как могут люди, с такой стремительностью передвигающиеся в капле жидкости, оставаться затем в течение девяти месяцев почти неподвижными в чреве матери?

Некоторые наблюдатели решили, что эти маленькие семенные живчики надо рассматривать не как живые существа, но как волоконца самой жидкости, какие-то частицы этой горячей жидкости, колеблемые ее собственным движением и дуновением воздуха; многие любопытные стремились это увидеть, но не увидели вообще ничего; в конце концов людям приелось не столько доставлять материал для таких экспериментов, сколько утомлять свои глаза рассматриванием в капле спермы этого неувидимого народца, которого, возможно, и вообще-то не существует.

Некий человек [22 – Имеется в виду Нидгем.] – опять-таки уроженец Касситериды, но недостойный числиться среди философов, – пошел другим путем; то был один из тех полудруидов, коим не дозволено совать свой нос в семенную жидкость; он решил, что достаточно немножко порченной пшеничной муки для порождения крохотных угорьков. Этим пресловутым экспериментом он ввел в заблуждение лучших натуралистов. Ваши сиракузские эпикурейцы охотно дали бы себя обмануть. Они могли бы сказать: "из испорченной пшеницы рождаются угорьки, значит, хорошая пшеница может порождать людей, а следовательно, нет никакой нужды в боге для заселения мира, потому что это – задача атомов".

Вскоре наш создатель угрей исчез и на его место явился другой любитель систем. [23 – Имеются в виду воззрения Мопертюи в его книге "Физическая"] Подобно тому как истинные философы выяснили и доказали, что существует тяготение, взаимное притяжение между всеми сферами планетного мира, так этот человек вообразил, будто взаимное притяжение царит и среди всех молекул, предназначенных для формирования ребенка во чреве матери. Правый глаз притягивает левый; нос, одинаково притягиваемый тем и другим глазом, пристраивается точно между ними; то же самое относится к ляжкам и к той части, что расположена между ними. Правда, согласно этой системе трудно объяснить, почему голова помещается на шее, вместо того чтобы занять свое место пониже – между плечами. Вот в какие дебри забираются тогда, когда хотят ввести людей в заблуждение, вместо того чтобы их просветить. Над этой системой смеялись так же, как над угрями, родившимися из сомнительной пшеницы: ведь в Галлии умеют так же хорошо смеяться, как в Греции.

Позорный провал стольких систем не обескуражил еще одного нового философа, действительно достойного этого имени: [24 – Имеется в виду Бюффон.] он провел всю свою жизнь в занятиях математикой и постановке опытов, а это два проводника, только и могущие привести к истине. Убеденный в недостаточности всех упомянутых систем, хотя многие из них и казались правдоподобными, он решил, что корпускулы, наблюдавшиеся столькими физиками и им самим в семенной жидкости, – вовсе не живые существа, но находящиеся в движении молекулы, стоящие, так сказать, на пороге жизни.

"Природа в целом, – говорит он, – кажется мне гораздо более устремленной к жизни, чем к смерти; представляется, что она по мере возможности старается формировать тела. Доказательство этого – умножение зародышей, способных размножаться почти до бесконечности, и можно с некоторым основанием сказать: если материя организована не полностью, то лишь потому что организованные существа взаимно разрушают друг друга; ведь мы способны довести число живых и растительных существ почти до желаемого нами количества, но мы не можем

Вольтер Диалоги Эвгемера filosoff.org
увеличить количество камней или других грубых материалов".

Калликрат. Он прав; отрывок, приведенный сейчас вами, кажется мне и истинным и новым: мы размножаем людей, а они истребляют друг друга на войне, подобно воинам, порожденным Кадмом из посеянных зубов дракона. Земля обширное кладбище, непрерывно покрывающееся трупами смертных, громоздящимися на трупах их предшественников. Нет животного, которое не стало бы жертвой и пищей другого животного. Растения также постоянно пожираются и воспроизводятся вновь. Но мы не можем воспроизводить металлы, минералы, скалы. Мне нравится ваш галл, я хотел бы с ним познакомиться. А какое из этих наблюдений извлекает он средство для порождения детей?

Эвгемер. Он предположил, что природа может производить небольшие матрицы, подобно тому, как скульпторы-литейщики лепят глиняные модели, которые они обливают затем расплавленным металлом, принимающим форму этих фигур. Он вообразил, что эти модели, эти матрицы, созданные природой, применяются не только к любому внешнему облику тел, но и к любой их внутренней форме. Лучше всего я, пожалуй, изображу вам всю эту технику на примере Прометея, создающего внешнюю и внутреннюю форму Пандоры, так что Пандора получает красивую грудь вместе с сердцем и легкими.

Изобретатель этой системы основывается на том, что у материи есть неотъемлемые качества, внутренне всему присущие, подобно протяженности и притяжению. Он утверждает, что эти внутренние органические формы образуют всю одушевленную и растительную материю.

"Питание, развитие и воспроизведение, – пишет он, – следствия одной и той же причины; организованное тело питается частицами, ему аналогичными; оно развивается путем глубокого внутреннего восприятия органических частей, которые ему подобны... когда органическая питательная материя избыточна, она вводится в резервуары в виде жидкости, содержащей все, что необходимо для воспроизведения маленького существа, подобного исходному".

В другом месте он говорит: "Я полагаю.. что органические молекулы, отправляющиеся из всех частей тела в тестикулы и семенные мешочки самца, а также в тестикулы и любую другую часть тела самки, образуют там семенную жидкость, представляющую собой и у того, и у другого пола, как мы видим, некий род экстракта из всех частей тела...; когда в образующейся при соитии смеси оказывается больше органических молекул самца, чем самки, рождается самец; наоборот, если там оказывается больше органических частиц самки, чем самца, образуется маленький зародыш самки".

Калликрат. Но если дело обстоит так, как он говорит, может ведь родиться ребенок, состоящий из двух третей мужчины и одной трети женщины, и гермафродиты станут вполне обычным явлением, когда Женщины начнут выделять столько же семенной жидкости, сколько мужчины. Однако ведь вам известно, что, к несчастью, существует много Женщин, совсем не выделяющих эту жидкость, питающих отвращение к ласкам своих супругов и тем не менее имеющих много детей.

Впрочем, эта система, показавшаяся мне столь соблазнительной – ведь я усматриваю в ней большую проницательность и силу воображения, – понемногу начинает меня смущать. Я не могу составить себе точного представления об этих внутренних молекулах. Если ребенок зарождается в таких матрицах, какая может быть нужда в оплодотворяющей жидкости? А если он зарождается из этой жидкости, что за нужда в таких матрицах? Более того, мне кажется весьма необычным, что органические матрицы, никак не питавшие наше тело, оказываются затем человеческим телом, обладающим способностью передвигаться и мыслить, так что органическая молекула может стать либо Александром, либо каплей мочи. Скажите мне, как была принята эта система?

Эвгемер. Те, кто углубляется в философские новшества, выступили против нее и ее охаяли; те же, кто в этих новшествах не копаются, отбросили ее на основе простой кажимости; однако все осыпали похвалами "Естественную историю", написанную тем же автором, где говорится о человеке с детства и вплоть до его кончины. Небольшой этот труд – физическое руководство, учащее нас жить и умирать; то история всего человеческого рода, основанная на известных фактах, тогда как органические матрицы – всего лишь гипотеза. Итак, полагаю я, нам надо отказаться от познания того, как мы произошли: мы напоминаем египтян, извлекающих столько

пользы из своего Нила, но до сих пор не знающих, где находятся его истоки; быть может, когда-нибудь они их откроют.

Диалог десятый

БЫЛА ЛИ ЗЕМЛЯ ОБРАЗОВАНА КОМЕТОЙ?

Калликрат. Коль скоро я уже отчаиваюсь точно узнать, каким образом был рожден, как я живу, мыслю и как могу умереть, я не должен льстить себя надеждой познать планету, на которой я обитаю, лучше, чем себя самого. Однако вы мне сказали: быть может, египтяне когда-нибудь отыщут истоки своего Нила; это воскрешает во мне слабую надежду узнать в один прекрасный день строение нашей Земли. Я отрекся от отклоняющихся атомов Эпикура; но разве ваши мудрые варвары, изобретшие такое множество прекрасных вещей, ничего не узнали о способе сотворения Земли? Исследуя птичье гнездо, можно понять его строение, не зная при этом, что именно дает этим птицам жизнь, инстинкт и их перья. Так неужели же нет никого, кто исследовал бы хорошенько гнездо, в котором мы пребываем, – этот маленький уголок Вселенной, где заперла нас природа?

Эвгемер. Кардет, о котором я вам говорил, высказал догадку, что наше гнездо первоначально было покрывавшимся корой Солнцем.

Калликрат. Солнце, покрывшееся корой! Да вы шутите!

Эвгемер. Нет, это Кардет, несомненно, шутил, когда утверждал, будто наш шар был некогда Солнцем, образованным тонкой материей, состоящей из шариков; однако наши материи уплотнились, и мы утратили свой блеск и силу; после того мы выпали из вихря, центр которого составляли, и попали в вихрь нашего нынешнего Солнца. Наша Земля целиком покрыта рифленой и разветвленной материей. В конце концов из звезд, которыми мы были, мы стали луной, обладающей в качестве льготы вращающейся вокруг нас другой маленькой луной, что должно нас утешить в нашей опале.

Калликрат. Вы спутываете все мои представления. Я ведь уже был готов стать учеником вашего галла. Но я нахожу, что Эпикур, Аристотель и Платон были значительно более рассудительны, чем ваш Кардет. Это ведь не философская система, а бред человека, находящегося в горячечном состоянии.

Эвгемер. Некоторое время тому назад это именовали корпускулярной философией, единственно истинной. Химеры эти имели даже своих комментаторов; считалось, что геометр, давший для своего времени нечто довольно дельное в области оптики, вообще не может ошибаться.

Калликрат. А что открыли после него относительно образования нашего шара?

Эвгемер. Было сделано открытие одним германским философом, [25 – Имеется в виду Лейбниц.] о котором я немного уже вам говорил: это автор предустановленной гармонии, согласно которой душа держит речь, в то время как тело, ничего в этой речи не смыслящее, жестикулирует; иначе говоря, тело это отбивает время, указываемое душой на циферблате, причем она не слышит боя часов. В соответствии с теми же принципами он обнаружил, что началом существования нашей планеты был пожар. Моря были приглашены, дабы погасить огонь, а все составлявшее землю остекленело и осталось массой стекла.

Трудно поверить, что подобную систему выдумал математик, однако это так.

Калликрат. Согласитесь: моего Эпикура нельзя упрекнуть в подобных проделках. Я жду от вас истины, а не причуд.

Эвгемер. Прекрасно, я еще расскажу вам о философе, отлично написавшем "Естественную историю" человека. [26 – имеется в виду Бюффон.] Ему принадлежит также "Естественная история" Земли, но он выдает ее лишь за гипотетический вымысел.

Он предполагает, что в один прекрасный день комета, проходящая вблизи Солнца...

Калликрат. Как! Комета, которую Аристотель и мой Эпикур объявили испарением Земли?

Эвгемер. Аристотель и ваш Эпикур очень плохо разбирались в кометах. У них не было никакого прибора, который помог бы их глазам увидеть кометы и измерить их путь. Галлы, касситеридцы и германцы, а также соседние с греками народы создали для себя инструменты, содействующие открытию истины; с помощью этих инструментов они узнали, что кометы представляют собой планеты, циркулирующие вокруг Солнца по огромным кривым, приближающимся к параболе; они высказали догадку, что среди этих светил существуют такие, которые выполняют свой путь не менее чем за сто пятьдесят лет. Были предсказаны сроки их возвращения, как предсказывают затмения; однако предсказания эти нельзя было сделать с той же точностью: для этого многого недостает.

Калликрат. Я прошу их извинить мое невежество. Вы как будто сказали, что одна из комет упала на Солнце: что же из этого воспоследовало? Разве она не сгорела?

Эвгемер. Галльский философ предположил, что она только слегка задела поверхность этой могучей звезды и унесла с нее кусок материи, из которого образовалась Земля. Этого куска было вполне достаточно и для образования других планет. Можно представить себе, что куски грубой материи, украденные таким образом у Солнца, были достаточно горячи. Утверждают, что одна из комет, проделывая свой путь вблизи этого светила, становится в две тысячи раз более горячей, чем раскаленное докрасна железо, и может остыть лишь за период в пятьдесят тысяч лет.

Из этого можно заключить, что наша Земля, не слишком-то горячая у обоих своих полюсов, потратила более пятидесяти тысяч лет на свое охлаждение: ведь полюсы ее холодны, как лед. Она прибыла с Солнца на то место, где сейчас находится, совершенно остекленевшей, как это назвал германский философ; именно с того времени начали изготавливать стекло из песка.

Калликрат. Мне чудится, будто я читаю греческих поэтов, рассказывающих, почему Аполлон ежевечерно укладывается спать в море и почему Юнона иногда усаживается на радугу. Скажите откровенно, не хотите ли вы меня заставить поверить, будто Земля сделана из стекла и будто она явилась с Солнца настолько горячей, что до сих пор не остыла в районе Эфиопии, в то время как на земле лапландцев все замерзает?

Эвгемер. Но ведь автор выдает вам эту историю всего только за гипотезу.

Калликрат. В самом деле, – плачу вам гипотезой за гипотезу – уж не любите ли вы греков так же сильно, как галлов? Что до меня, заверяю вас: Минерва, богиня мудрости, вышедшая из головы Юпитера; Венера, рожденная из божественного семени, упавшего на морское побережье, дабы навеки объединить воду, воздух и землю; Прометей, явившийся затем, чтобы принести небесный огонь Пандоре; Амур с его повязкой, стрелами и крылами; Церера, научившая людей земледелию; Вакх, утишающий их страдания дивным напитком, – эти очаровательные мифы, хитроумные эмблемы природы, вполне стоят предустановленной гармонии, бесед со Словом и кометы, образовавшей нашу Землю.

Эвгемер. Меня, как и вас, трогают эти волшебные аллегии; они принесут вечную славу грекам и будут очаровывать народы; они будут запечатлены во всех умах и будут воспеваться всеми устами, какие бы ни происходили смены правлений, религий, нравов, постоянно изменяющие лицо Земли; но эти прекрасные, вечные мифы, какими бы восхитительными они ни были, никак не просвещают нас относительно основы вещей; они нас чаруют, но ничего не доказывают. Амур с его повязкой, Венера и три Грации никогда не научат нас предрекать затмения и понимать различие между осью экватора и осью эклиптики. Сама красота этих образов отвращает наш взор и наши шаги от тернистых тропок науки; это наслаждение нас изнеживает.

Калликрат. Так расскажите же мне обо всем, что изобрели полезного ваши философы-варвары, совсем не изнеженные подобно нам, грекам.

Эвгемер. Я расскажу вам о том, что видел в Галлии во время последнего своего путешествия.

Диалог одиннадцатый

БЫЛИ ЛИ ГОРЫ ОБРАЗОВАНЫ МОРЕМ?

Эвгемер. На расстоянии ста сорока четырех стадиев от океана, рядом с городом Тур, на глубине десяти футов под землей можно обнаружить на пространстве в сто тридцать миллионов кубических туазов несколько тухлявую массу, напоминающую порошок талька; земледельцы пользуются ею для удобрения своих полей. В этой вырытой шахте, часто увлажняющейся дождем и ключевой водой, находят многочисленные реликты животных – рептилий, ракообразных или панцирных.

Некий искусник, [27 – Имеется в виду Бернар де Палисси.] гончар по профессии, титуловавший себя изобретателем сельских терракотовых сосудов галльского короля, объявил, что эта шахта дрянного талька, перемешанного с тухлявой почвой, не что иное, как скопление рыб и ракушек, находящихся здесь со времен Девкалионова потопа. Некоторые философы признали эту теорию; они лишь несколько отошли от учения гончара и утверждали, что ракушки эти должны были отложиться в указанном подземелье за много тысяч веков до нашего греческого потопа.

Им возражали: если всемирный потоп принес в эту местность сто тридцать миллионов кубических туазов рыб, почему он не принес тысячной доли такого количества в другие места, удаленные на такое же расстояние от океана? Почему эти моря, сплошь покрытые морскими свиньями не извергли из себя на одни только наши берега хотя бы дюжину этих животных?

Следует признать, что указанные философы не разрешили своего сомнения; однако они твердо стояли на том, что море залило в свое время земли не только на расстояние вплоть до восьмиста сорока стадиев от своего побережья, но и гораздо дальше. Спорам на эту тему нет конца. Наконец, галльский философ Теллиамед [28 – Имеется в виду де Майе как автор книги «Теллиамед».] заявил, что в течение пяти или шести тысяч веков море было повсюду и именно оно породило все горы.

Калликрат. Вы мне сообщаете весьма необычные вещи; вы то заставляете меня восхищаться вашими варварами, то вынуждаете над ними смеяться. Я с большей легкостью поверил бы в то, что горы породили моря, чем в то, что моря будто бы стали родительницами гор.

Эвгемер. Если, как утверждает Теллиамед, течения океана и морские приливы постепенно породили Кавказ и Иммаус в Азии, Альпы и Апеннины в Европе, они должны были также породить людей, чтобы заселить эти горы и их долины.

Калликрат. Нет ничего более справедливого; однако сей Теллиамед кажется мне немножко тронутым.

Эвгемер. Человека этого долгое время использовал в Египте его король для гарантированной торговли, и он слыл весьма просвещенным ученым. Он не осмеливается утверждать, будто сам видел морских людей, но он беседовал с людьми, их видевшими; он считает, что эти морские люди, описание коих дают нам многие путешественники, в конце концов стали земными людьми – такими, каковы мы есть, – после того как море, схлынув с берегов, чтобы воздвигнуть на них свои горы, бросило этих людей на произвол земной жизни. Точно также Теллиамед считает или хочет заставить считать других, что наши львы, медведи, волки, собаки произошли от морских собак, волков, медведей и львов и все наши птичьи дворы были заселены одними летающими рыбами, постепенно превратившимися в уток и кур.

Калликрат. А как он может обосновать эти нелепости?

Эвгемер. Он обосновывает их с помощью Гомера, повествовавшего о тритонах и сиренах. Особенно эти сирены – обладательницы чарующего голоса: они обучали музыке людей, когда жили на земле, вместо того чтобы обитать в воде. Более того, всему миру известно: некогда Халдее, в реке Евфрат, обитала щука, по имени Оаннес, дважды в день выходившая из воды, чтобы наставлять народ; именно она и является покровительницей тех, кто проповедует с кафедр. Дельфин, вынесший из моря на спине Ариона, стал покровителем ямщиков. Этих свидетельств, несомненно, достаточно для создания новой философии.

Но наибольшую опору эта философия имела в лице автора [29 – Имеется в виду

Бюффон.] истории человека, вселенной и кунсткамеры великого короля; по крайней мере, он взял под свое покровительство горы, образованные течениями и приливами морей; он придал силу этой идее Теллиамеда. Его сравнивали с вельможей, вскармливающим в своих владениях сироту-подкидыша. Некоторые натуралисты присоединились к нему, и эта система стала большой проблемой.

Калликрат. Мне очень хотелось бы знать, как они доказывают, что Кавказские горы были порождены Понтом Эвксинским.

Эвгемер. Они ссылаются на то, что посреди земли хаттов в Германии была найдена окаменевшая щука, на большом Альпийском хребте – корабельный якорь и целый корабль – в окрестной пропасти. Правда, история с этим кораблем была рассказана всего лишь одним из тех бедных писак, кои стремятся за свою ложь заработать немного денег; однако люди, склонные к системосозиданию, не упустили случая заявить, что судно это со всеми своими снастями оказалось в упомянутой расселине более чем за миллион – миллион двести тысяч веков до изобретения навигации и было оно построено во времена, когда море схлынуло с вершин больших Альп для того, чтобы отправиться создавать Кавказские горы.

Калликрат. И это вы, Эвгемер, рассказываете мне такой вздор?

Эвгемер. Я вам сообщаю об этом, чтобы вы поняли, что мои варвары иногда отдавались на волю своего воображения, так же как ваши греки.

Калликрат. Никогда ни один греческий философ не говорил ничего подобного тому, что вы мне сейчас рассказали.

Эвгемер. Но как же, разве вы забыли, о чем недавно писал астроном Бероз, коего я так часто встречал при дворе Александра?

Калликрат. А именно? Что такого необычного он написал?

Эвгемер. В своих "Древностях человеческого рода" он утверждал, будто Сатурн явился к Ксиссутру и ему сказал: "Пятнадцатого числа месяца Эзи человеческий род будет погублен потопом. Спрячьте хорошенько все ваши сочинения в Сипаре, городе Солнца, дабы память о событиях не угасла (ведь когда на Земле не останется ни души, сочинения станут особо необходимы); постройте ковчег; взойдите на него с вашими Родичами и друзьями, пусть туда же взойдут птицы и четвероногие, и запасите там провиант; когда же вас спросят, куда вы хотите отправиться на вашем судне, ответствуйте: "К богам, дабы молить их взять под свое покровительство человечество"".

Ксиссутр не преминул построить свой ковчег шириной в два стадия и длиной – в пять, иначе говоря, ширина его равнялась двумстам пятидесяти геометрическим футам, а длина – шестиста двадцати пяти. Судно это, которому предстояло отправиться в Черное море, было дрянным парусником. Наступил потоп. Когда же он прекратился, Ксиссутр выпустил на волю нескольких своих птиц, но они, не найдя себе пропитания, вернулись на судно. Через несколько дней он снова выпустил птиц, и когда они вернулись, лапки их были в грязи. В следующий раз они совсем не вернулись. Тогда Ксиссутр поступил таким образом: он сошел со своего судна, взгромоздившегося на одну из гор Армении, – и больше его не видели: боги забрали его к себе.

Итак, вы видите, что во все времена существовало стремление развлекать либо пугать людей то сказками, то рассуждениями. Халдеи вовсе не первые, пускавшие в ход ложь, чтобы заставить себя послушать, греки – не последние; Галлия перемешала вымыслы с истинами, подобно грекам, но не внесла в свои мифы такую же, как у них, привлекательность; ложью пользовались и в Германии, и на острове Касситерида.

Первый ниспровергатель греческой философии в Галлии, знаменитый Кардет признавался в том, что вводил нас в заблуждение и, формируя вселенную из игральных костей и создавая тонкую, шаровидную, ветвистую, рифленую и пористую материю, просто шутил. Другие дошли в своей веселости до того, что утверждали, будто со дня на день Вселенная вполне может быть разрушена тонкой материей, из коей, по их мнению, возникает огонь.

Калликрат. Очевидно, тот, кто, посмеиваясь, готовит нам этот крах, не

принадлежит к семейству короля Ксиссутра. Несомненно, то один из философов, заставивших наш мир возникнуть из воспламенившейся кометы: философы эти хотели сделать смерть мира такой же, каким они сделали начало его жизни. Однако подобная шутка кажется мне чересчур сильной. Я не люблю, когда смеются над гибелью.

Эвгемер. И вы правы. Самое худшее, что эта идея – заставить нас всех погибнуть от огня – есть не что иное, как воскрешение старого мифа о фазтоне. Очень давно уже говорили о том, будто род человеческий однажды был потоплен наводнением, а в другой раз погублен пожаром.

Рассказывают даже, что первые люди воздвигли два красивых столпа, один – из камня, другой – из кирпича, дабы предупредить о катастрофе своих потомков и дабы в случае беды кирпичный столп мог противостоять огню, каменный же – воде.

Наши нынешние философы-варвары, являющиеся не только философами, но и пророками, возвещают нам, что оба столпа окажутся совсем бесполезными, ибо коль скоро одна комета образовала Землю, другая разобьет ее на тысячу кусков вместе с ее великолепными монументами из камня и кирпича. Относительно этого пророчества были написаны целые тома, содержащие много расчетов, на которые было затрачено немало ума; по поводу этой жуткой катастрофы также было немало веселья. Эти ученые галлы похожи на богов, рисуемых нам Гомером хохочущими неудержимым смехом над вещами совсем не забавными.

Калликрат. Смеяться, кажется мне, подобает лишь богам Эпикура: ведь они заняты только своими лакомствами и удовольствиями; но у богов Гомера, вечно ссорящихся между собой и на небе, и на Земле, нет особой причины для смеха, а уж у ваших галльских философов – тем паче. Разве вы не сказали мне, что их почти всегда распекают друиды? Это должно вернуть им серьезность.

Эвгемер. Да, многие из них были серьезны, и я осмелюсь вам сказать: они серьезно занимались тем, чтобы принести весомую пользу.

Калликрат. Именно об этом я и хотел бы узнать. Я люблю лишь полезную философию и предпочитаю архитектора, строящего мне приятный и удобный дом, математику, возводящему в квадрат кривую до двойной кривизны, с которой мне просто нечего делать.

Эвгемер. Варвары не только обнаружили свою проницательность в области квадратур кривых и даже в самих своих ошибках при вычислениях, но и изобрели новые искусства, без которых скоро не смогут обойтись сами греки; я изложу вам это.

Диалог двенадцатый

ИЗОБРЕТЕНИЯ ВАРВАРОВ, НОВЫЕ ИСКУССТВА И ИДЕИ

Калликрат. Скажите же мне поскорее, что столь полезного миру изобрели эти варвары?

Эвгемер. Мы должны были бы испытывать к ним вечную признательность, даже если бы они не изобрели ничего, кроме ветряных мельниц. Создателями этих прекрасных механизмов не были ни касситеридцы, [30 – Имеются в виду англичане.] ни готы, ни кельты: их придумали арабы, обосновавшиеся в Египте; греки здесь совершенно не при чем.

Калликрат. А как устроена эта прекрасная машина? Я слышал разговоры, но никогда ничего такого не видел.

Эвгемер. Она представляет собой дом, укрепленный на вертлюге и вращающийся при каждом дуновении ветра; дом этот снабжен четырьмя большими крыльями, не умеющими летать, но служащими затем, чтобы размалывать между двумя каменными жерновами сжатое в поле зерно. Греки, а также мы, сицилийцы, и даже римляне не пользуются этими крылатыми домами: мы только и знаем, что утруждать руки наших рабов грубым помолом зерна, отбираемого нами у земли в поте лица. Я надеюсь, что прекрасное искусство крылатых домов перекоует однажды к нам.

Калликрат. Говорят, что именно нашей Сицилии боги оказала милость даровать зерно и лишь оттуда оно получило частичное распространение в мире; но наши эпикурейцы в это не верят. Они убеждены будто боги слишком заняты своей вкусной едой, чтобы еще думать о нашей. В самом деле, если бы Церера нам даровала пшеницу, она должна была бы подарить нам и ветряную мельницу.

Эвгемер. Что до меня, то я неизменно убежден не столько в том, что Церера принесла пшеницу в Сиракузы, сколько в том, что великий Демиург дал людям и животным пищу и способы ее добывания, необходимые для поддержания их краткосрочной жизни, в соответствии с климатом, в каком те или иные живые существа им были порождены.

Народы, населяющие берега Сены или Дуная, не владеют дивными плодами, растущими по берегам Ганга. Природа не произрастила у них этого столь вкусного и питательного риса, вкусовые качества коего усиливаются индийскими пряностями или сахарным тростником. Наша северная Европа лишена прекрасных пальм, которыми покрыта вся Азия, а также всевозможных золотых плодов, являющих собой столь легкий вид пищи и такое освежающее питье. Необъятные страны, коих Александр видел только границы, получили в удел кокосовый орех – рассказы о нем вы слышали; плод этот дает ядро, превосходящее по вкусу наш хлеб и молоко, а также жидкость, более приятную, чем наши лучшие вина; он дает масло для ламп и очень твердую скорлупу, из которой делают вазы и тысячи других небольших поделок; волокнистая кора, покрывающая это дерево, дает пряжу для холстов, из которых выкраиваются корабельные паруса; из его древесины строят суда и дома, а его широкие, плотные листья служат этим домам кровлей. Таким образом, один только вид плодового дерева питает, утоляет жажду, одевает, дает жилье, средства передвижения и домашнюю утварь целым народам, которым земля щедро поставляет эти дары без предварительной обработки.

В Европе, где Сицилия является наиболее щедро одаренной страной, мы до сих пор имеем только дикие плоды, ибо золотые яблоки Гесперид, прекрасные плоды Персии, Серазонта и Эпира до сих пор не привились на нашем острове. Источник нашей жизни и славы – зерно, которым мы так похваляемся. Печальная слава и тяжкий источник! Быть может, были правы те, кто утверждал, что мы оскорбили Цереру, и в наказание она обучила нас земледелию.

Сначала нужно извлечь из недр Земли и выковать руками наших циклопов железо, назначение которого – разрывать ее лоно. Три четверти населения нашей маленькой Европы вынуждены покупать в Азии и Африке семена для засева своих тощих полей; и эти поля после огромных трудов, изнуряющих людей и животных, дают в лучшие годы десятикратный урожай, обычно же – пятикратный и шестикратный, а иногда – трехкратный. Когда такая скудная жатва проведена, люди бывают вынуждены накидывать стога с помощью сильных взмахов вил, причем в ходе этой грубой работы часть урожая гибнет.

Но сами по себе эти работы ничего не дают для питания человека. Требуется отвезти полученное чахлое зерно к тем, кто орошает его своим потом, размалывая его собственными руками с помощью жерновов. Однако и тогда это еще не пища до тех пор, пока тесто не поставят на огонь в сводчатую печь, где избыток жара может превратить его в порошок, а недостаток – в бесполезное месиво.

Вот что такое хлеб, коим Церера облагодетельствовала людей, или, вернее, который она заставила их покупать столь дорогой ценой! Он не более похож на зерно, из коего его делают, чем алое платье – на барана, из шерсти которого оно соткано. Но особенно обидно, что труженик едва пользуется плодами стольких трудов. Не для него сеял обитатель берегов Дуная и Борисфена, но для варвара, овладевшего его страной, хотя он не ведает даже, как прорастает в земле зерно, и для друида или для ламы, требующих себе от имени неба доли собранного урожая, рассчитывая при этом обесчестить или принести в жертву на алтаре дочку доброго человека, пропитание которого он пожирает.

Вы согласитесь со мной, по крайней мере, что математики, изобретшие ветряную мельницу, освободили несчастного земледельца от самой тяжелой его страды.

Калликрат. Я не сомневаюсь в том, что мода на ветряные мельницы будет немедленно воспринята всеми народами, питающимися хлебом, и они будут благословлять философию. Продолжайте, прошу вас, и дальше просвещать меня относительно новых изобретений варваров.

Эвгемер. Я уже вам сказал, что они дали зрение тем, кто его совсем не имел: они помогли старикам читать; [31 – Имеется в виду изобретение очков.] они показали всем людям звезды, ранее бывшие постоянно скрытыми от их взора; [32 – Имеется в виду изобретение телескопа.] и все эти благодеяния, восхитительно разнообразные, суть всего лишь следствия теоремы, известной в Греции и гласящей, что угол падения равен углу отражения.

Калликрат. Вы изображаете ваших философов богами: они даруют людям хлеб и говорят: "Да будет свет". А что они еще создали? Расскажите мне обо всем.

Эвгемер. Они сотворили искусство одним поворотом руки отпечатывать целую книгу. [33 – Имеется в виду изобретение книгопечатания.] Благодаря этому средству наука может стать всеобщим достоянием; книги на рынке будут стоить дешевле, чем съестные припасы. Каждый получит в свое распоряжение Аристотеля за меньшую цену, чем пулярку. В одном из разделов этого искусства достигнуто умение размножить картину в тысячекратном или десятижды тысячекратном количестве; таким образом, самый бедный из граждан сможет иметь у себя работы Зевксида и Апеллеса. Искусство это называется гравюрой.

Калликрат. Только что ваши философы-изобретатели были богами, а сейчас они – маги.

Эвгемер. Вы ближе к истине, чем думаете. В Европе есть страны, где это пока малоизвестное искусство размножения картин и книг было принято за колдовство; однако оно станет более обычным, чем ветряные мельницы, о которых я уже говорил. Каждый пожелает напечатать книгу или размножить свой портрет; мир наводнится безвкусными книгами; литература станет пошлым ремеслом, и когда тщеславие автора усугубится в его сознании пропорционально его глупости, не останется ни одного бумагомазика, который не потребовал бы выгравировать свой портрет на заглавном листе своего собрания сочинений.

Калликрат. Я вполне согласен, что большое количество книг может представлять опасность; однако надо питать глубокую признательность к тем, кто открыл секрет, позволяющий сделать их сбыт таким легким. Друзей выбирают из многих.

Эвгемер. На самом деле среди этих многих есть большое число торговцев мыслями: одни продают бредни Платона, другие – непристойности Диогена; в одной и той же лавчонке можно увидеть Гермеса Трисмегиста и Аристофана. Недавно несколько таких торговцев объединились для продажи тридцати огромных томов [34 – Имеется в виду изданная под руководством Дидро "Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел".] извлечений из всего того, что когда-либо греческие и варварские философы изобрели, повторили или критиковали в области наук и искусств. Имея подобное сочинение, можно, как утверждают, обойтись без всех остальных, ибо вы все узнаете из этого резюме, начиная от способа изготовления смертоносного порошка и вплоть до способа вдевать нитку в иголку.

Калликрат. О каком смертоносном порошке вы толкуете? Уж не яд ли это какой-то, изобретенный Анитом и Мелетом для очищения Земли от философов?

Эвгемер. Нет, это блестящий физический опыт, произведенный неким священником, который сам не разобрался во всей его тонкости: доведенный до степени искусства, этот опыт в совершенстве имитирует гром и молнию. Кроме того, он имеет и гораздо более страшные результаты: порошок этот воспламеняет и разрушает даже самые мощные крепости. Если бы нашему Александру было известно это изобретение, ему не потребовалась бы его доблесть для завоевания мира. Особенно вас удивит, что это искусство всеобщего уничтожения применяется во время празднеств и для развлечений. Празднуют свадьбу государя – и делается это не под звуки арф и лир, как у греков, а при вспышках молний и ударах грома, как если бы Юпитер явился заключить в объятия Семелу, облеченный всеми атрибутами своей славы.

Калликрат. То, что вы рассказываете, приводит меня в содрогание: это совсем новый мир, где в любой момент надо быть готовым к тому, что вас истребит молния; правда, те, кто этого избегает, наслаждаются великолепным зрелищем.

Эвгемер. Если бы я в действительности собрал все, что изобрели чужеземцы новой эпохи в различное время, вы посчитали бы их гигантами, в сравнении с коими наши греки – всего лишь дети, со временем обещающие стать мужами.

В самом деле, не удивлю ли я вас, если скажу, что эти так называемые варвары сумели из простого песка сделать некий род шлифованных алмазов, имеющих более чем пять футов в высоту и ширину и отражающих все объекты лучше, чем небольшое серебряное зеркальце, посвященное Венере прекрасной фриной в храме этой богини? Такие алмазы свободно пропускают в дома свет, защищая их в то же время от нежелательного проникновения воздуха. Сказать ли вам, до какой степени усовершенствовались они все искусства, доставляющие наслаждения нашим чувствам и способствующие усладам жизни? Поверите ли вы мне, если я вам скажу, что их столицы десятикратно большего размера и более густо населены, нежели Афины и Сиракузы, и на пространстве более чем в тридцать стадиев они заполнены великолепными произведениями искусства в разных жанрах, превосходящих все шедевры роскоши, коими славятся Сузы и Вавилон?

Но еще более вас поразит, что большинство открытий в области этих гениальных искусств было сделано как раз во времена невежества и неотесанности. Похоже, что бог дал некоторым людям инстинкт, превосходящий обычный разум, подобно тому как слоны рождаются в землях, населенных малыми обезьянами. Но постепенно разум сформировался: в результате он исследует то, что изобрел инстинкт, и создает системы; в конце концов он запутывается в аргументах – у варваров так же, как и у греков.

Калликрат. Вы всегда приводите «за» и «против» во всем том, чему вы меня обучаете.

Эвгемер. Это потому, что все на свете имеет свою хорошую и дурную стороны. Например, среди наших варваров одни обладают воспитанностью и деликатностью афинян, другие же – суеверной жестокостью скифов. Отдельные лица получили в удел хороший вкус и талант, но они воспитываются в школах, где отсутствует здравый смысл. Они начинают превосходить греков в живописи и музыке, если они и не сравнялись с ними в скульптуре. У них есть экспериментальная физика, в которой у греков не было даже элементарных познаний, но в области метафизики они иногда предаются еще большим химерам, чем Платон, Пифагор, Зороастр и Меркурий Трисмегист.

Калликрат. Я предпочел бы обсуждать метафизические проблемы с каким-нибудь галлом или касситеридцем.

Эвгемер. Коли вы выучили бы их язык, к чему привел бы ваш диспут? Люди, споря устно, никогда не приходят к согласию; один из состязающихся плохо выражает свои мысли, другой еще хуже ему отвечает; один ложный аргумент опровергается другим, еще более ложным. Поэтому – то школьные диспуты долгое время отравляли человеческий разум. Без инстинкта – этого счастливого дара, способствовавшего изобретению и усовершенствованию искусств, без опытов, проводившихся вдали от словоблудия схоластов, общество до сих пор пребывало бы в состоянии дикости.

Но в чем честные люди более всего упрекали ученых и тех, кто претендует на это звание, будь то варвары или греки, так это в стремлении выйти за пределы природы. Они вырыли глубокие пропасти, и их засыпало вырытым грунтом.

Один из них, [35 – Имеется в виду Паскаль.] и в самом деле бывший истинным гением, исследовал, чем был бы человек без головы, которому боги даровали бы все остальное. Другой [36 – Имеется в виду Кондильяк как автор "Трактата об ощущениях".] употребил всю пронизательность высокого ума на выяснение вопроса, какую роль играл бы человек, который из всех органов чувств имел бы один только нос. Еще один философ [37 – Имеется в виду Бюффон.] того же высокого уровня назначил день и час, когда более не будет существовать ни людей, ни животных. Что вы хотите? Это Гераклы, играющие в бабки, но от этого они не меньше Гераклы. Три знаменитых математика острова Касситерида наглядно объяснили, каждый по-своему, как был устроен мир до потопа Девкалиона и Пирры; выводы их совершенно различны; таким образом, и расчеты их должны были быть ошибочными; однако они не исправили их и оставили людям созданный ими мир. Следовало бы лучше предоставить эту заботу богу.

А что вы скажете о человеке, [38 – Имеется в виду Мопертюи.] открывшем секрет доводить себя до такой степени экзальтации, что ему якобы было даровано точно предсказывать будущее? И все это лишь на том дивном основании, что если мы мыслим о прошлом, коего уже нет, то с таким же успехом можно мыслить о будущем,

еще не наступившем!

Вы можете видеть поэтому, что я – не безвкусный поклонник чужеземцев, которых я видел, я просто отдаю им должное, как и грекам: ошибки и злоупотребления встречаются всюду; если верить Гомеру, им нет счета и на небесах. Две вещи с ужасающей силой способствуют размножению книг среди наших варваров: тщеславие и нужда. Искусство сочинительства стало ремеслом, тем более универсальным, чем больше оно доступно.

Еще совсем недавно авторами были друиды, в объемистых томах объяснявшие, каким образом преломились у Аристотеля и Платона мистические свойства ветви дуба. Ныне большое число писателей посвятили себя преобразованию империй и республик. Человек, не умеющий управляться с курятником и даже не имеющий его в своем распоряжении, берется за перо и диктует законы королевству.

Другие в своих сочинениях воспитывают юношество, дав ему предварительно внушительные образцы своим собственным поведением. Читали ли вы роман афинянина Ксенофонта о воспитании Кира?

Калликрат. Да, и признаюсь вам, у меня составилось лучшее мнение о Ксенофонте, чем о самом Кире.

Эвгемер. Ну так вот, недавно незначительный человек – варвар вообразил, будто он создал метод воспитания государей, [39 – имеется в виду Руссо как автор педагогического романа «Эмиль».] значительно лучший, чем воспитание покорителя Вавилона.

Сначала автор – полугерманец, полугалл – объявляет, что один великий государь умолял его соизволить стать воспитателем его сына; он-де отказал в этом государю, потому что никогда не станет наставником. Но тут же он нам сообщает, что является наставником некоего знатного юноши. И знаете ли, какой урок преподает он своему ученику? Он делает из него подмастерье столяра; он сопровождает его в б... Он убеждает его в том, что принц, вельможа, должен жениться на дочери палача, если у него будут для этого личные основания. Наконец, он ему говорит, что гораздо мудрее убить своего врага, чем вступить с ним в честный бой.

Калликрат. Вот как воспитывают в Галлии юных аристократов! Поистине, вы меня не обманули, обещав рассказать обо всем хорошем и плохом, принятом у ваших варваров.

Эвгемер. Поскольку я обаялся сказать все, я добавлю, что у этого галльского Ксенофонта вы найдете эпизод, называемый "Савойский друид" [40 – имеется в виду высоко ценившееся Вольтером "исповедание веры савойского викария" – антиклерикальное и деистическое кредо Руссо, включенное в роман «Эмиль».] и направленный против схоластических идей друидов; в указанном эпизоде полно превосходных моментов.

Калликрат. А что это значит – «Савойский»?

Эвгемер. Савойярами называют народ, обитающий на склонах некоторых Альпийских гор.

Калликрат. И эти альпийские друиды не отправили на костер вашего Ксенофонта?

Эвгемер. Нет, они последовали примеру афинян, которые, казнив Сократа, стали потом высмеивать Диогена.

Калликрат. Итак, ваши галлы – нация чудаков?

Эвгемер. Да, они большие чудаки, после того как они были ужасно дикими, глупыми и жестокими.

Калликрат. Это то же самое, что произошло с нашими пеласгами-греками. А в столице вашей Галлии, стране, по вашим словам, в десять раз более обширной, населенной и богатой, чем Афины, так же как и в Афинах, ставятся трагедии, комедии, музыкальные спектакли и танцы, подобные пиррихе и кордаксу?

Эвгемер. Ставят ли их там? Да буквально все дни года бывают посвящены этим изящным искусствам. Галлы имели своих Софоклов, Еврипидов, Менандров и Тимофеев! [41 – Тимофей – имя флейтиста Александра Македонского.] Ныне они – самый на Земле искусный в танце народ; среди галлов больше танцоров, чем геометров. Но в столице Галлии произошло то же самое, что случилось сорок или пятьдесят тысяч лет назад, по словам мудрых персов, которые никогда не лгут, в городе Зороастра. Там небо, разгневавшись на Землю, где думали только о развлечениях, послало на Ганг жирную самку ужа, бывшую беременной десятью тысячами Завистей: она родила их, и с сего момента люди стали несчастными. По-видимому, в великой галльской столице народилось более ста тысяч Завистей, ибо там с момента, как какой-либо человек начинает преуспевать в каком бы то ни было жанре, против него восстают все дочери этой ужихи. В столице Галлии есть лавочка, где Зависти торгуют клеветой четырежды в месяц. [42 – Имеется в виду антипросветительский журнал "Литературный год", в котором помещались пасквилы фрерона-отца, а после его смерти в 1777 г. – сына.] Искусство сообщать свои мысли при помощи письма – восхитительное искусство, первоначально изобретенное во имя распространения просвещения, – стало великой добычей Зависти. Это не самое почетное из искусств, но наиболее культивируемое: брань по адресу наших ближних раскупается с большей поспешностью, нежели изысканные вина и божественный сиракузский мед.

Калликрат. Неважно. Как только я смогу избавиться от своего семейства, я отправлюсь взглянуть на эту столицу любезных варваров, где проводят время в танцах и злословии. Дочери ужихи не ужаснут путешественника.

Примечания

1

1 "Система природы" – главный философский труд Гольбаха, итоговое произведение французского материализма XVIII в.

2

Под Диагором как автором "Системы природы" имеется в виду Гольбах.

3

Под сирийской богиней здесь имеется в виду дева Мария, мать Иисуса Христа; под ее жрецами подразумеваются христианские священники.

4

Имеются в виду Коперник и Галилей

5

Анаграмма имени Коперника

6

Анаграмма имени Галилея.

7

Имеется в виду папа Урбан VIII и инквизиция.

8

Эта республика – Венеция.

9

Башня св. Марка.

10

Имеется в виду Англия.

11

Имеется в виду кальвинистская Швейцария.

12

Анаграмма имени Декарта.

13

Имеется в виду французский баснописец XVII в. Вольтер дает в своем вольном переложении.

14

Имеется в виду Мальбранш.

15

Имеется в виду учение Лейбница.

16

Подразумевается Англия.

17

Имеется в виду Ньютон.

18

Вольтер диалоги Эвгемера filosoff.org
Имеется в виду книга Лассэ (1652–1738) "О различных вещах", первое издание которой вышло 1727 г.

19

Анаграмма имени Гарвея.

20

Имеется в виду Левенгук.

21

Имеется в виду Голландия.

22

Имеется в виду Нидгем.

23

Имеются в виду воззрения Мопертюи в его книге "Физическая

24

Имеется в виду Бюффон.

25

Имеется в виду Лейбниц.

26

Имеется в виду Бюффон.

27

Имеется в виду Бернар де Палисси.

28

Имеется в виду де Майе как автор книги «Теллиамед».

29

Имеется в виду Бюффон.

30

Имеются в виду англичане.

31

Имеется в виду изобретение очков.

32

Имеется в виду изобретение телескопа.

33

Имеется в виду изобретение книгопечатания.

34

Имеется в виду изданная под руководством Дидро "Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел".

35

Имеется в виду Паскаль.

36

Имеется в виду Кондильяк как автор "Трактата об ощущениях".

37

Имеется в виду Бюффон.

38

Имеется в виду Мопертюи.

39

Имеется в виду Руссо как автор педагогического романа «Эмиль».

40

Имеется в виду высоко ценившееся Вольтером "Исповедание веры савойского викария" – антиклерикальное и деистическое кредо Руссо, включенное в роман «Эмиль».

41

Тимофей – имя флейтиста Александра Македонского.

42

Имеется в виду антипросветительский журнал "Литературный год", в котором помещались пасквили Фрерона-отца, а после его смерти в 1777 г. – сына.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!